

Александр Петров

Летящий

с ангелом

А. Петров

Александр Петров
Летящий с ангелом

«Автор»

2012

Петров А.

Летающий с ангелом / А. Петров — «Автор», 2012

«Святые зорко следят за своими потомками». Это история одного из таких потомков – правнука священномученика. Жизнь Андрея от зачатия до зрелости – сплошная цепочка чудес. Он полюбил в детстве, всю жизнь пронес в сердце любовь к Светлане и создал с ней семью. С самого раннего детства Андрей летал по удивительно красивым просторам и только в зрелом возрасте ему удалось разгадать тайну. Он вспомнил, как ещё в утробе матери ангел его брал с собой в полёт по Царству Небесному – и эта красота живёт в его сокровенной памяти и непрестанно зовёт к себе. Нечто подобное случилось и со Светой – она с детства наделена даром самодействующей молитвы, которая улаживала её одиночество и делала её девочкой не от мира сего. Именно этот дар не позволил ей ответить на чистое искреннее чувство Андрея. Но по мере взросления и воцерковления обоих героев, раскрывается и загадка Светы – и Господь воссоединяет их...

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Когда ангелы нас водили	5
Рождение	5
Ты тоже видела этот сон?	8
Касание мира иного	16
Куда уходит детство	25
Романтика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Петров

Летающий с ангелом

...Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился.
(Пс. 54.7)

*Как бедны все слова земные!
Ибо где человек тот скрылся,
Кто, пройдя этот мир, унесся
За пределы всего, что видим?..¹*
(Преп. Симеон Новый Богослов)

«Случается, человек бывает восхищен молитвой, и ощущает он такую неизреченную радость, что всецело восторгается летающий и восхищенный ум его².
(Преп. Макарий Египетский)

Когда ангелы нас водили

Рождение

«Час зачатия я помню неточно, – пропел как-то Высоцкий, – значит, память моя однобока». Так красиво сказать, тем более пропеть, я не могу. Потому что, мне кажется, я... помню.

Не стану утверждать, что память моя не однобока. Наоборот. Могу не вспомнить, кушал ли я что-нибудь сегодня. Забываю сходить в магазин и заглянуть в холодильник, есть ли там припасы. Плохо помню, сколько заработал и куда потратил, сколько и кто мне должен.

Но касания вечности помню. Мне нравится рассматривать их, как семейный альбом. Только фотографии от времени обычно блекнут, а воспоминания о главном становятся все более яркими и ценными.

...В те дни родители мои поссорились. Отцу на работе поручили организацию новогоднего вечера. Мама же сильно простудилась и осталась дома. Когда отец во втором часу ночи шумно заявился домой, мама успела сменить третий носовой платок. От папы веяло морозом, шампанским и духами. А мама сквозь слезы неотрывно смотрела, как на праздничном столе стружкой сворачиваются пластинки сыра.

Неделю они молчали. Отец пропадал на работе. Мама лечилась «трудотерапией»: стирала, штопала, ежедневно убирала квартиру. Они очень любили друг друга. Эта ссора их утомила. Обычно они легко прощали. Не могли понять на этот раз, почему так трудно сделать шаг навстречу и помириться.

...Наконец однажды отец вошел в дом и устало присел на стул. Мама сидела напротив, скрывая сильное волнение и легкую дрожь в руках.

– Я больше не могу без тебя, – выдохнул он чужим голосом. – Прости меня, пожалуйста.
– И ты меня прости. Знаешь, оказывается, я тебя люблю, как в первый день.

Они смущенно обнялись. Вдруг между ними будто проскочила искра, их обожгло. Они оказались в центре мощной вспышки...

...Впервые я себя ощутил как что-то живое, когда вокруг пылал огонь. Меня окружали добрые светоносные существа. Я видел далеко и высоко. И сам был светел. Однако свет померк, и я загрузил. Мне даже показалось, что я пропал. Потом оказалось, что я бурно расту, успо-

коился и погрузился в ожидание. Чаще всего я спал, но иногда просыпался и делал открытия. То слышал звуки, то обнаруживал у себя что-то похожее на руки, ноги, голову. Потом снова засыпал.

Когда я почувствовал приступ одиночества, ко мне явился Вестник. Он будто состоял из света. От него исходила добрая сила и дружеское участие. Он протянул мне руку и позвал с собой.

...Что-то произошло: я стал вдруг легким и подвижным. Я взлетел! Мы пронеслись сквозь море огня и оказались в дивном месте. Здесь, на небесах, цвели сады. Свет переливался по бесконечным просторам. Теплыми ветрами струились ароматы. Звуки и песни пронизывали воздух. Там и тут, на холмах и низинах, сверкали храмы и дворцы. Где-то очень высоко я видел сверкающий Крест и самый большой дворец. Я знал, что там, за невидимой преградой, находится Творец.

Мне никто ничего не рассказывал, но я все узнавал. Здесь я чувствовал себя дома. Меня окружало то, что я любил. Видел и слышал то, что мне нравилось. И еще я... летал! Стремительно и свободно, легко и беззаботно.

Вестник летел рядом и кротко просил остановиться. Он звал меня вниз, где темнела земля.

- Еще один полет над рекой! – умолял я, чуть не плача.
- Нам пора, – объяснял он терпеливо, с жалостью и состраданьем.
- Но там темно, – показывал я в место своего обитания. – А здесь так красиво!
- Хорошо, – сказал он. – Последний полет – и обратно.

Я взлетел ввысь и парил над рекой. Снижался к самой глади воды, проникал в ее упругую толщу и, коснувшись дна рукой, выныривал и почти вертикально взмывал в глубокую синеву. Я знал, что мне предстоит вернуться на землю и пройти испытания. Отсюда земля выглядела особенно сумеречно и душно. Поэтому я про запас жадно впитывал свет и наслаждался полетом.

Очнулся я в прежнем темном месте в скованном состоянии. Но отныне я знал, что и Сам Творец проходил этим путем, также терпел и ждал, – и мне стало веселей. Меня утешали светлые небесные воспоминания.

Однажды снаружи моей темницы раздался голос. Он мне показался таким ласковым, родным, и я понял: со мною говорит мама. Чуть позже раздался голос погуше, наверное, папин, но он тоже мне понравился. Я понял, что меня любят и ждут, когда я выйду из темноты и познакомлюсь с ними. От радости я задергал руками, а снаружи раздался счастливый смех: «Он впервые зашевелился!» С этого момента ко мне обращались, как к личности. Я с нетерпением ждал выхода в свет.

И вот однажды теплая вода вокруг меня исчезла. Меня обдало холодом, я что было сил, стал двигаться, пока не вышел наружу. Тут я замерз еще сильнее. Какие-то чужие люди грубо схватили меня огромными ручищами, сильно ударили ниже спины, обрезали длинную трубочку, выходящую из моего живота. Я закричал отчаянно: «Верните меня обратно! Что вы делаете, изверги! Я буду жаловаться. Где моя мама?» Наконец меня поднесли к заплаканной женщине. Она улыбнулась, обняла меня, прижала к себе, обдала теплом – и я узнал свою маму.

Мы смотрели друг на друга и не могли налюбоваться. Мама бережно гладила меня, улыбалась и говорила ласковые слова. Мне же было не по себе: надо же, знакомлюсь с самым дорогим человеком, а сам такой опухший, сморщенный, глазки заплывшие, тело синюшного цвета, на животе висит обрезок кишки в зеленке, слова сказать не могу, все больше ору, как резанный... Но мама любила меня и такого! Представляете, как это открытие меня приятно поразило. Не думал, ох, не думал, что на земле возможна такая любовь. А здесь, кажется, ничего, жить можно.

Первое время я все больше спал. Просыпался от голода, жадно пил молоко и снова – на боковую. Иногда меня будил холод или сырость, тогда я звал маму. Моя вежливая просьба почему-то звучала, как истошный крик. Я пробовал придать голосу какое-то благозвучие, но ничего, кроме истерических воплей, не получалось. Так я понял, что мне придется всему учиться заново: говорить, ходить, летать.

Иногда мне снились мои полеты по необозримым светлым просторам. Но все это отходило куда-то вдаль. А однажды я очень загрустил, и мне захотелось вернуться в прошлое. Тогда я услышал голос Вестника. Он просил учиться терпению и обещал скоро появиться рядом.

И вот однажды меня красиво одели и вынесли из дома. На улице я, как обычно, хлебнул свежего воздуха и заснул. Чуть позже меня разбудили, и я увидел что-то очень напоминающее мое светлое прошлое. Конечно, здесь не было бесконечных высот и той совершенной красоты. Но света, того прошлого света, было много. Он сходил с небес и отражался во всем. Но самое главное – я увидел, как с огненной высоты ко мне слетел мой Вестник и встал рядом. Он был очень торжественным, это передалось и мне. Когда меня окунули с головой в светящуюся воду, я запел от восторга и переполнявшей меня радости. Только снова из моего распахнутого беззубого рта вырвался визгливый крик. Мама бросилась меня успокаивать, а Вестник поправил мой сверкающий крестик и поздравил с первым шагом в небо.

– Сколько же их будет? – спросил я.

– Всего семь. Крещение ты получил – это первый шаг. Видишь, священник миро несет? Сейчас тебя помажут, и останется пять.

– Вестник, ты меня не оставишь? – спросил я, наверное, очень жалостно.

– Нет. Я всегда буду рядом, – улыбнулся он по-дружески. – Ты не сможешь меня видеть, но я буду с тобой. Только отныне я не Вестник, а Хранитель. А тебя крестили в честь преподобного Андрея Критского.

– А что это значит? – спросил я.

– Со временем узнаешь, – грустно ответил Хранитель и отвел глаза. – Но ты не бойся, я тебя не оставлю, слышишь? Что бы ни случилось, я буду рядом. Только позови.

Ты тоже видела этот сон?

С младенчества меня окружали хорошие люди. Меня любили родители и родственники, соседи и друзья. Меня ласкали и целовали мамины руки и губы, стерегли и учили отцовские глаза и слова.

Взрослые не всегда меня понимали. Например, склоняется ко мне папа, а за его левым плечом я вижу страшную черную физиономию с лютыми глазами. Я, конечно, зову моего Хранителя, причем это получается в виде натужного крика. Появляется мой светлый защитник, прогоняет страшилище. Хранитель мне улыбается, успокаивает. Мама при этом сурово отодвигает папу и повисает надо мной. Я улыбаюсь беззубым ртом. Мама считает, что я улыбаюсь ей, а папа обижается. Иногда я без видимых причин заливался счастливым смехом и дрыгал конечностями. Родители только пожимали плечами, отзываясь улюлюканьем и «козой» из пальцев. Истинная причина моего восторга состояла в том, что Ангел играл со мной.

...О, мои онемевшие уста! О, моя парализованная рука, сжимающая тупое перо! Где взять такие слова, краски, звуки, чтобы описать те бесценные минуты, когда мир сходил в наш дом, глаза отца сияли мудрой любовью и руки мамы бережно касались моей нежной младенческой кожи. Они окутывали меня родительским теплом, мое сердце прыгало в груди, а я... стеснялся нахлынувшей радости и смущенно рассматривал свои крохотные ноготки на пальцах, гладил ладошкой зеленый грузовичок на скрипучих железных колесах, вдыхал запах маминых духов и на своем затылке ощущал ее теплое дыхание. Сколько это продолжалось? Может быть, несколько минут... Но такие мгновения крепко приживались в моей памяти и впоследствии давали силы прощать людям очень многое. Казалось бы, умиление собственным ребенком, его нежным пухлым тельцем, его неказистыми движениями, его пушистым темечком — что за невидаль! А я помню эти мгновения родительской нежности и люблю возвращаться туда и вновь погружаться в те сказочные ощущения.

Родительский дом отличался гостеприимством, за большой стол в гостиной собирались на праздник человек по двадцать. Взрослые приходили с детьми. Мы удалялись в детскую комнату играть. Когда заглядывали в гостиную проведать родителей, они нас бурно приветствовали, будто мы не виделись много лет. Кроме того, у меня было много друзей и приятелей.

И детсад, и двор наш утопали в зелени деревьев и кустов. Всюду красовались цветы: на клумбах, палисадниках, балконах. В погожие дни все это растительное благолепие наполняло ароматами воздух и радовало глаз. Детям позволялось все, кроме как ломать цветы и бить оконные стекла. За порядком старшие следили строго и чуть что вели к родителям на взбучку. Так нас приучали уважать труд, вложенный в создание красоты. Да и нас с малолетства приобщали к труду. Во всяком случае, по вечерам и субботам мы с родителями частенько копались на клумбах и палисадах, собирали мусор и листья, поливали двор. Это доставляло удовольствие, потому что мы ощущали себя большой дружной семьей.

Друзья мои были разными, но каждый интересен по-своему. Дима всех удивлял памятью и рассудительностью. Его было интересно слушать. Павлик смеялся и шутил. При встрече мы бросались друг к другу и обнимались. Юра любил разбирать игрушки и затем собирать их, не всегда успешно. Он делился шестеренками, колесиками, пружинками, которые казались мне волшебными. Иришка любила командовать. Мне это не очень-то нравилось, потому что в нашей семье женщина подчинялась мужчине, и мне это казалось правильным. Аня гуляла с огромным, свирепым на вид псом, я гладил страшную звериную морду, мощную шею, чувствуя, как он тычется мне подмышку мокрым носом и тихонько скулит. Она красиво рисовала, читала стихи, играла на скрипке.

Но вот однажды сначала во дворе, а затем в саду появилась Света. Когда я увидел ее впервые, мне показалось, что это не девочка, а бабочка с прозрачными крыльями. От ее светлых волос, от зеленых глаз, от белого платья, от тонких рук – исходило сияние. Девочки искали ее дружбы, мальчишки сурово немели в ее присутствии, я же... Просто заморожено любовался ею, чувствуя, как глубоко внутри разливается теплая сладкая боль. Света вела себя необычно. Она ни в ком не нуждалась, не скучала, игры ее не увлекали. Это дивное создание могло часами сидеть, стоять, ходить, глядя перед собой. При этом на ее ангельском личике мягко сияла загадочная улыбка. Когда ей предлагали поиграть, она не отказывалась, спрашивали – отвечала.

Однажды в детском саду в «тихий час» меня положили рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки. Она лежала с открытыми глазами, подложив ладошку под щеку. Ее взгляд плавно переплывал с моего лица на стену, с потолка на окно, нигде не задерживаясь. Я неотрывно смотрел на нее и получал от этого необычное удовольствие. Когда же закрывал глаза, то чувствовал, что рядом солнышко и оно меня освещает. Борясь со сном, я поднимал тяжелые веки и любовался ее тонкими руками, луговыми глазами, красивым носом, широким лбом, маленьким подбородком с ямочкой и улыбчивыми губами. Длинную шею опоясывали белые кружева ночной рубашки и волны светлых волос.

Когда пришла нянечка и стала нас поднимать, я молча помог Свете собрать раскладушку. Она не удивилась, и лишь вежливо поблагодарила. А после полдника подошла ко мне и заговорила. Мало что помню из того разговора. Пожалуй, только то, что она приехала из приморского города и скучает по морю. Мы еще говорили о цветах, деревьях, горах, небе и ... запахе. Приятные ароматы могли нас обрадовать, а резкие запахи сильно расстроить. Я был уверен, что после того разговора мы стали друзьями, но ошибся. Уже на следующий день она смотрела на меня, как на пустое место. Я сильно переживал, а Света... Она ни в чем и ни в ком не нуждалась. Она снова витала в своих высотах и оттуда рассеянно поглядывала на своих дыхателей.

Я рассказал о Свете маме. Она как-то особенно посмотрела на меня, глубоко вздохнула и обняла: «Как быстро ты вырастешь». Папе говорить об этом не стал: недавно он сильно отругал меня за лазание по дереву, и я его сторонился. Поэтому я решил сходить в гости к моему взрослому другу.

Николай Васильевич жил этажом ниже. Он сильно страдал от боли в сердце. Иногда его тихая жена тетя Аня приходила к нам позвонить по «03» и вызвать «скорую помощь»: «хозяин помирает». Иногда мама посылала меня в магазин купить им хлеба и молока. Тогда я заходил к ним, а Николай Васильевич предлагал о чем-нибудь поговорить. Сначала мне это давалось с трудом: в их доме, пропахшем лекарствами и кошками, я чувствовал себя неуютно. Но потом мы подружились, и я часто приходил к нему посоветоваться. Он умел ответить на любой вопрос понятно и спокойно.

На этот раз, как всегда, Николай Васильевич встретил меня с улыбкой. В его желтых зубах тлела папироса. Грубоватое лицо с глубокими морщинами и высоким лбом иногда искажала гримаса боли. Он, сильно хромая, прошел впереди меня в комнату, нацедил мне чайного гриба из трехлитровой банки и сел к столу. Я сел напротив, жадно пил кисло-сладкую водичку и наблюдал, как внутри стакана плещутся волны.

– Что, Андрюша, влюбился? – раздался хриплый голос снаружи моей акватории.

– А откуда вы знаете? – удивился я, опустив стакан.

– Заметно. Когда человек влюбляется, на его лице уживаются счастье и горечь. Только любовь умеет эти два чувства соединять.

– Вы думаете, это плохо?

– Нет, соседка, нормально. Что за человек, если он не любит? Так, головешка...

Он прикурил новую папиросу и вздохнул: «Когда-нибудь эта зараза меня погубит». Потом вскинул на меня усталые глаза и спросил:

– Ты видел мою старуху? Можешь себе представить, что эту старую развалину я любил всю жизнь. И сейчас люблю. Господи, как она будет жить без меня?..

Он тяжело дышал, в повисшей тишине мерно тикал будильник, за окном кричали футболисты. Я не знал, что ответить, только смотрел на старика и молча жалел его. Потом кашлянул и спросил:

– У меня это в первый раз. Я не знаю, что делать.

– Терпи и не расстраивайся. Мне кажется, ты такой мальчик, такой человек, что тебе на роду написано любить и страдать. У тебя сердце живое.

В хорошую погоду нас из детсада выводили в парк на берег реки. Там сохранились замечательные уголки дикой природы. С пригорка открывался просторный вид на пойму реки. Мы со Светой любили сидеть там и наблюдать за кораблями, идущими по реке; за облаками, плывущими по небу; за птицами, летающими в синей высоте. На этой горе воздух был свежим и упругим, как парус; ветер солнечным, трава сочной и цветы благоухали необычайно сладко. И мы становились легкими, готовыми в любой миг сорваться и взлететь ввысь.

– Как это все красиво! – вздыхала Света. – Ну почему у людей так не получается? Почему люди все делают грубо?

– Может, потому, что они лучше и сильнее нас? – произнес я.

– Кто они? – прошептала она.

– Те, кто это создал, – показал я рукой на реку, небо и облака.

– Откуда ты знаешь, что это кто-то создал? – Девочка смотрела на меня сбоку, но ее взгляд все время проникал куда-то глубоко мне в грудь.

– Ниоткуда. Просто знаю и все, – опустил я голову, потому что не умел еще отвечать на такие вопросы. И думал я тогда не головой, а как мне потом объяснили, сердцем.

– И почему мы не летаем? – Она глядела на полет стрижа.

– Летаем, – уверенно ответил я. Но потом смутился и добавил: – Ну, глазами... Еще, там, во сне...

– Андрюш, ты ведь что-то скрываешь, – заговорщицки протянула она. Я промолчал. Мне пока нечего было сказать.

Как-то субботним вечером в детсад приехал папа Светы. Мне он показался иностранцем: загорелый красивый блондин в светлом костюме, вежливый, мудрый и добрый. Он вышел из большой белой машины. Вокруг него сразу собрался эскорт из воспитательниц, девочек и мальчишек. Он каждому что-то вежливо и значительно отвечал, а сам искал глазами дочку. Света, увидев отца, просияла, взяла меня за руку и повела к нему. Я оторопел от неожиданности.

– Вот, папа, этот мальчик – мой друг Андрюша.

– Добрый вечер, Андрей, – протянул он руку и солидно пожал мою вспотевшую ладонь. – А меня зовут Олег Иванович. Что же ты не заглянешь к нам в гости?

– Как-то все некогда... – промямлил я. Вообще-то меня никто и не звал.

– Заходи, пожалуйста, я тебя приглашаю, – улыбнулся он, прочитав мои мысли.

– Хорошо. Обязательно зайду. Спасибо.

– Вот и ладно. Ну, а сейчас, ребята, покажите мне свои владения. Очень интересно, как вы тут устроились.

Он по-прежнему шагал в окружении толпы и для каждого находил доброе слово. Как это ему удавалось – слышать и одновременно говорить со всеми? Мы водили его по нашим любимым местам: бассейн с большой каменной лягушкой, резная беседка со скамейками в окружении плакучих ив, живой уголок с петухом, морской свинкой и ежиком; и, конечно, песочница с белым речным песком. Здесь он присел на корточки и неожиданно предложил построить замок с башенками и рвом. И мы принялись за строительство.

Подходили родители и бабушки, стараясь подключиться к строительству замка или просто понаблюдать за нашей работой. Конечно, начальником строительства стал Олег Иванович. Он снял пиджак, закатал рукава белой рубашки и увлеченно копал, лепил, подавая команды и советы. Мы со Светой были его главными помощниками. Я смотрел то на румяную Свету с блестящими глазами цвета лесного озера, то на ее замечательного папу... Мне хотелось одного: чтобы это никогда не кончалось.

Позже мы подружились семьями и стали бывать друг у друга в гостях. Моя мама любила маму Светы – тихую блондинку восточной красоты с неожиданно смуглой кожей и вытянутыми темно-зелеными глазами. Словом, все складывалось как нельзя лучше, только наши отношения со Светой от этого не упростились. Она то открывалась мне и, казалось, не было никого ближе; то вдруг смотрела сквозь меня, я же мучился и холодел. Что рядом с ней было удобней всего – это молчать. И смотреть на нее. И любоваться.

Однажды Олег Иванович застал нас в приступе задумчивости, взял меня за руку и повел в гостиную. Там усадил за журнальный столик с коробкой гаванских сигар, сам присел в кресло напротив и полушепотом спросил:

– Что, брат, нелегко тебе со Светой?

– Иногда, – признался я.

– Понимаю. Знаешь, даже я, случается, побаиваюсь ее. Мне кажется, что она знает о жизни больше любого взрослого.

– Мне тоже так кажется.

– Тогда и ты меня понимаешь. Но ты, Андрюш, ее не бросишь?

– Нет, что вы! – взвился я. Бросить – мысль эта показалась мне жуткой.

– Вот это по-мужски. Ты надежный человек. На тебя можно положиться. Знаешь, в общем-то Света очень одинока. Ее даже мы с мамой не всегда понимаем. Она как скрипка среди барабанов. Необычная девочка. Вот такая история.

В отпуск родителям удалось вырваться на море. Летели мы на самолете. Мне понравилась стюардесса Тоня: веселая, красивая, в белой блузке, от нее пахло цветами. Она склонилась ко мне и спросила, летал ли я раньше. Я сказал, что летал много раз, но на самолете впервые. Она внимательно посмотрела на меня и улыбнулась, как другу. Кажется, она меня поняла. Хорошо, когда тебя понимают! Самолет набирал высоту, мне заложило уши, я подвигал челюстью, разгрыз барбариску, восстановил слух и прильнул к иллюминатору.

Под нами проплывали пушистые облака. В разрывах белого ковра виднелись квадраты полей, нити дорог, зеленая пена лесов, зеркала озер – все это напоминало географическую карту. Снизу плоские, облака поднимались клубами ввысь, к пронзительно синему небу. Жадно искал я что-нибудь живое: не могло же это красивейшее место оставаться незаселенным.

– А знаешь, Андрюша, какой там жуткий холод? – спросила стюардесса Тоня. Она склонилась ко мне, обдав запахом свежести и дружеским теплом. – Сорок градусов мороза. Представляешь? Бр-р-р!

Я удивленно взглянул в иллюминатор. Там, за стеклом, не висели сосульки, не лежал снег. Наоборот! Зеленые леса между пушистых облаков заливало радужными лучами яркое золотое солнце. Поэтому казалось, что за бортом все прокалено жарким зноем, а облака горячие, как пар над кипящей водой. Нет, никого я там не увидел, кроме скользящей тени от нашего самолета. Слеп я, что ли? Наверное. Во всяком случае, ярко-красные пятна и полосы долго еще преследовали меня, особенно когда моргал или закрывал глаза.

Поселились мы в частном доме с большим участком земли. Приютила нас бывшая учительница, женщина тихая и добрая. А встретились мы с ней на набережной, куда прямо с

вещами пошли купаться. Первое, что я закричал, когда прыгнул в пенистую зеленоватую воду: «Она соленая!» – «Надо же, правда соленая», – откликнулась мама. А папа – он сидел по пояс в воде и молча блаженно улыбался. Вышли втроем из воды. У наших чемоданов стояла бледная женщина в кофте, охраняла. Вежливо, но строго отругала нас за безалаберность. А потом сжалась и позвала к себе жить.

До моря ходили мы пешком: хоть далековато, зато интересно. Пока идешь, столько всего насмотришься: тут собирали виноград, там жарили шашлыки, здесь лениво ругались или протяжно пели. В центре поселка стоял бетонный клуб с огромными витражами и дальше до самой набережной тянулся роскошный парк, обнесенный высоким металлическим забором. В первую же неделю мы заглянули в библиотеку, истоптали босиком побережье и тщательно облазили экзотические уголки парка. Мы постоянно пребывали в приподнятом, праздничном настроении. Может быть, поэтому легко сходились с людьми. Во всяком случае, к концу недели у нас появилось множество знакомых.

Мы с отцом и местными ребятами увлеклись подводной охотой. Благо, оснастка для этого требовалась простейшая: палка с гвоздем на конце и с резиной для метания в цель. Резину эту продавали на рынке. Утром до девяти, пока народ досматривал последние сны, и ближе к вечеру, когда обгоревшие пляжники покидали берег, в маске с трубкой уходили мы под воду. Крупная рыба здесь гуляла, как отдыхающие по набережной: не спеша, солидно и лениво. Группун с натянутой резиной в правой руке ждал приближения рыбы, чтобы выстрелить почти в упор. За час такой охоты мы приносили к столу пяток кефалей со ставридами. Мама жарила рыбу, резала салат с помидорами, сладким перцем и красным луком, а мы наблюдали за ней, как голодные волки из засады, чтобы по первому зову все это немедленно проглотить.

После ужина мы «ходили в народ». Прилично одевались и шеренгой выдвигались на вечернюю прогулку. Народ собирался обычно перед входом в клуб, на просторной площади с лавочками и кустами огромных роз. Здесь мы встречали знакомых, обсуждали новости, решали, идти в кино или на прогулку в парк. Отец подарил маме настоящий китайский зонтик из бамбука с цаплями и такой же веер. В шелковом платье под зонтом, веселая и красивая, она ступала, как кинозвезда, и веером посылала в меня аромат сладких духов. Папа ласково поглядывал на нее, обжигая взглядом прохожих мужчин, а я... так сильно любил родителей, что даже признаться им в этом не мог.

Однажды во время такой прогулки знакомые из Саратова пригласили нас в гости на день рождения. Мы с папой настреляли побольше рыбы, мама купила глиняный кувшин под вино, и мы к четырем вечера пришли в просторный двор с накрытым столом. Гостей набралось человек сорок. Взрослые шумно пробовали разноцветные вина и мутную чачу, а мы – дети – пьянели. Обычные ребята, которые послушно вели себя в общественных местах, стали вытворять что-то страшное. Сначала мы, как стадо слонов, вытоптали почти все цветы. На это внимания никто не обратил. Так же безнаказанно оборвали горох, сливы и кизил. Что не съедали, то просто надкусывали.

Разгулявшийся хозяин – полный украинец с бурым лицом – попросил нас «принести» с бахчи парочку «харбузов». На бахче мы обнаружили примерно сотню арбузов и растерялись: какие выбрать. Тогда Санька из Казани, наш заводила, вспомнил, как на рынке продавец вырезал треугольник и показывал цвет мякоти. Мы получили инструкцию и стали делать треугольные надрезы на всех арбузах. При этом обнаружилось, что у всех мальчишек имелись собственные ножи. Чтобы добру не пропадать, мы съедали мякоть с надреза, а корку деликатно вставляли на прежнее место. Так из всех надрезанных арбузов мы выбрали два и принесли взрослым, за что нас бурно похвалили.

Потом тот же Санька из Казани стащил со стола папиросу, и они с Вовкой из Ростова пошли курить в туалет типа скворечника, что стоял за углом дома в кустах жасмина. Они вернулись и, чтобы их «не унюхали» взрослые, снова пошли рвать-надкусывать садовые плоды. ...

Сначала закричали соседи, на что в общем буйстве внимания никто не обратил. Потом соседи прибежали и закричали застольщикам прямо в уши. Поначалу-то раздался взрыв смеха, но когда до них дошел смысл, вскочили и ринулись за угол. Там уже догорал деревянный туалет. Никто и не пытался его тушить, но все зачарованно наблюдали за безжалостной работой огня и вытирали мокрые лица. Расходились молча, но быстро. И только хозяин протяжно кричал что-то бессмысленное и трагичное.

Наутро к нам зашли знакомые из Саратова с чемоданами в руках и весело рассказали, что утром хозяин обошел участок и обнаружил следы преступлений. Особенно по его нервной системе ударило уничтожение урожая на бахче и в саду. Он оплакивал убытки и допивал остатки мутной чачи и пурпурной «Лидии». А отдыхающих, четыре семьи, всех подчистую выгнал. Наша добрая хозяйка вспомнила, что завтра семья из Челябинска освобождает комнату на втором этаже. Ночь до завтра можно переночевать в шалаше, что на краю бахчи. Так саратовцы были спасены от бездомности, а мы получили новых соседей.

Поговорив с участниками трагедии, папа убедил всех помочь потерпевшему. Возражать никто не посмел. Мы ходили к украинцу и строили новый кирпичный туалет, солили в бочках остатки арбузов. И эта работа доставляла нам радость. Праздник продолжался. Как пошутил папа: «Нам все равно как, лишь бы отдыхать!» Помогли также в сборе винограда, еще пустили по рукам шапку и собрали погорельцу денежную компенсацию. Он благодарил нас, причитал «шо ж ото воно так» и размазывал по круглым дубленным щекам крупные капли пота и слез.

Отпуск пролетел как-то очень быстро. Последние два дня я подолгу сидел на краю скалы и запоминал море. Его цвет, блеск, освещение постоянно менялись. Оно дышало и замирало, хмурилось и улыбалось. Так же менялось и небо над морем. Иногда солнце, зашторенное облаками, испускало мощные потоки искрящихся лучей, которые проливались в морскую пучину золотыми струями. Запомнилось, как однажды половина неба мирно голубело, в то время как на другой половине клубились тяжелые тучи и блистали молнии. Любуясь грандиозными картинами воды и воздуха, я томился, думал о Свете и понимал ее скучание по морю. Мне и самому эти воспоминания долго не давали покоя.

В школе мы со Светой учились в разных классах. Это нас неожиданно сблизило. Она подходила ко мне на переменах, мы сидели на широком подоконнике и вместе смотрели, как за окном строился большой дом. Мама Светы – Лидия Михайловна – работала в нашей школе учительницей английского. Как-то раз она предложила нам вместе брать у нее уроки. В течение двух лет я три раза в неделю ходил в их дом, и мы разговаривали только по-английски. Светлане язык давался труднее, но она несколько этим не смущалась. Ей было все равно. Иногда после уроков Света приглашала меня поиграть дома или погулять во дворе, а иногда бесцеремонно выпроваживала, и я понуро уходил.

А однажды папа Светы устроил нам поездку за город. Мы вшестером довольно спокойно разместились на просторных сиденьях большой белой машины и поехали. За окнами проплывали утренние туманы. Потом солнце вышло из-за деревьев, и туман выпал густой росой на травах и листьях деревьев. В машине уютно пахло духами, кожей и сигарами... Как объяснил Светин папа, машина принадлежала немецкому генералу. А Олегу Ивановичу досталась от большого друга, генерала советского.

Мы приехали на базу отдыха на берегу реки и перенесли вещи в просторный дом с четырьмя комнатами и большой кухней. Участок ограждал высокий дощатый забор. Вместо обычных огородных грядок здесь росла трава, а вместо садовых деревьев – могучие сосны.

Подхватив сумки с едой, мы сразу отправились на берег реки. Взрослые вели себя как дети: они шумно восклицали, шутили и смеялись. Мы со Светой следом за ними шагали молча. Когда тропинка свернула в овраг, я протянул ей руку. Дальше мы шли, взявшись за руки. Мне это было приятно, Свете, скорей всего, безразлично. Несколько раз я наклонялся, срывал

пышные цветы, собрал букет и, разделив его на три равные части, протянул нашим мамам и Свете. Мамы чуть не расплакались от радости, а Света вежливо кивнула.

На прогулке по берегу реки я рассказал Свете, как отдыхал в пионерском лагере. Там все было пропитано густым запахом карболки. Кормили плохо, невкусно, фрукты давали зеленые или гнилые. Нас дважды сводили искупаться на реку и в поход к памятнику войны. Остальное время дети слонялись по лагерю и кормили прожорливых комаров. Однажды скуки ради мы устроили политическую демонстрацию. Взявшись за руки, маршировали по лагерю и скандировали: «Свободу неграм Америки!», «Долой агрессивную военщину!», «Да здравствует наше счастливое детство!» Нас за это наказали мытьем общего туалета и сбором мусора. Почему – мы так и не поняли. На родительский день я умолял забрать меня домой, за что меня обругали родители, а потом и лагерное начальство. Единственное, что спасало от тоски, это чтение. Я брал книгу и забирался на прожекторную вышку, где комаров было меньше. С тех пор слово «лагерь» вызывало у меня спазмы горла. Поэтому, когда на следующий год папа сказал, что меня за отличную учебу и примерное поведение премировали путевкой в «Артек», я молча встал и сбежал на развалины. Там, лежа на траве, я планировал кругосветное путешествие пешком и напряженно вспоминал географию. Разыскали меня поздним вечером и надавали подзатыльников. Но больше это страшное слово в нашей семье не произносилось. Со слов «запах карболки» до последнего слова «лагерь» Света мне сочувствовала, как настоящий друг. Я ждал от этой поездки чего-то важного.

– Значит, ты уходил из дома? – спросила Света.

– Да. Со мной это было два раза, – признался я. – Понимаешь, мне вдруг кажется, что я никому не нужен. Будто я всем чужой. Тогда встаю и ухожу из дома путешествовать. Это страшно, это интересно! Идешь никому неизвестный, никому не отчитываешься. Идешь в дальние страны в загадочные места.

– Так почему же ты возвращался?

– Не знаю. Так получалось... Меня ноги сами домой приводили.

– Интере-е-сно, – протяжно вздыхала она, опуская глаза. – Интересно.

Те два дня казались сказкой. Мы собирали грибы и ягоды, купались, играли в волейбол, пекли на костре картошку. Бродили по берегу и говорили с рыбаками и пастухами. Один рыбак как раз выгружал из лодки добычу: корзину карасей размером с мужскую ладонь. Когда я восхитился уловом, он ухмыльнулся: «Да разве это рыба! Так, лягушка». Вечером разожгли костер и пекли картошку. Когда на черном небе зажглись яркие звезды, мы со Светой забрались на крышу и просидели там допоздна. Говорили почему-то шепотом, и снова стали друзьями. Света рассказала, как она видела ночное свечение моря. Папа ей тогда объяснил, что это скопление мелких рачков наподобие светлячков, а ей казалось, что Млечный путь купается в море, чтобы ярче светить и указывать путь кораблям.

Я рассказал о своих «фантазиях». Далеко-далеко живут счастливые люди, которые летают как птицы и плавают как рыбы...

– У них что, есть крылья и жабры? – прошептала взволнованно Света.

– Кажется, нет... Да нет же! – уверенно сказал я. – Они не такие, как мы. Они будто сделаны из света, понимаешь?

– Да, понимаю, – неуверенно кивнула она. – А ты что... тоже их знаешь?

– Да... Я не знаю... Ну, это же фантазии, правда?

– Ты рассказывай, Андрюша, – попросила она кротко.

– Там все не такое, как здесь. Там большие-пребольшие горы, совершенно прозрачная вода в реках и в море. Там небо такое огромное, как... любовь... Там всюду свет и никогда не бывает ночи. Там очень красивые цветы. Некоторые из них большие, как деревья. Мы с тобой хотим взлететь – и вот уже летим, как птицы. Прямо с неба мы с тобой падаем в море и летим... Нет уже не летим – плывем под водой. А она как воздух, только чуть погуще. Но

мы и под водой будто летим, взявшись за руки. Мы вдыхаем сладкие ароматы. Мы постоянно слышим красивые песни, волшебные звуки. Мы с тобой большие друзья, нам весело и хорошо.

Меня будто несло под тугим парусом по волнам моей «фантазии». Я не знал, откуда мне это привиделось: во сне или сам выдумал. Просто говорил, что было на уме, и эти картинки оживали передо мной. Нас окружала черная ночь, а мне казалось, что все вокруг залито мягким светом. Я поглядывал на Свету и понимал, она чувствует то же самое. Мы сидели на теплой крыше, взявшись за руки. И мы... летали!

Воскресным вечером, усталые и тихие, мы возвращались домой. Слева и справа проплыли поля, реки, леса; впереди блестел асфальт дороги с редкими машинами. А чуть дальше из-за горизонта поднимались белые высокие дома, над которыми в полнеба золотился роскошный закат солнца. Олег Иванович включил радиоприемник. Знакомый баритон пел: «Я люблю, тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». Мы слушали молча. Наверное, это и есть счастье: благодарно любить то, что дает жизнь.

Касание мира иного

Мои школьные и дворовые друзья, как сговорились, стали интересоваться кто чем: спортом, книгами, радио, моделями самолетов и кораблей, посещали фотокружок и учились танцам. По субботам у нас принято было ходить в кино. Кажется, именно кино и стало влиять на наши увлечения. Например, после просмотра «Трех мушкетеров» из библиотек пропали сочинения Александра Дюма, и мне приходилось записываться в очередь или искать по частным собраниям. Часто выручали друзья или родители. То же повторилось, когда мы посмотрели экранизации Майн Рида, Джека Лондона и Конан Дойля. А были еще дивные сказки про Морозко, Василису Прекрасную. Позже – Пушкин, Лермонтов. Зовущий в светлую даль Шукшин и поднимающий ввысь Тарковский.

Юра уговорил меня записаться в фотокружок. Мы стали бегать всюду с фотокамерами, «снимать» все, что стоит и движется. В темно-красной лаборатории, затаив дыхание, наблюдали, как на белой бумаге, погруженной в проявитель, появляется изображение. Это увлечение не мешало нам паять радиоприемники, чтобы по ночам под одеялом слушать запретную джазовую музыку, читая при этом с фонариком детективы.

Аня с Иришкой приглашали меня в театр. Обычно мы сидели на первых рядах, и я терпеливо наблюдал, как напрягаются вены на горле актера, выкрикивающего глуповатые реплики, как брызгает он слюной и поднимает пыль со сцены, по которой громяют его обшарпанные каблуки. Мне все это казалось чем-то искусственным, не имеющим к реальной жизни никакого отношения. Девочкам я об этом говорить не смел: они-то, в отличие от меня, театральную бутафорию почитали за великое искусство.

Меня больше всего тянуло на природу, где много воздуха, света, воды – жизни. Как-то на день рождения мне подарили китайский фонарик с круглыми батарейками. Мы с Павликом его покрыли гидроизоляцией – залепили щели пластилином – и со старой корзиной ушли на реку. Вечером, когда в глубине воды сгущалась черная тень, мы ставили на дно корзину с кусочками мяса. В корзину опускали на веревке горящий фонарь и... поднимали глаза к небу. Над водой витали влажные запахи тины, рыбы и бензина. Позвякивали лодочные цепи, вяло плескалась рыба, где-то далеко гудела электричка, а над нами загорался таинственный Млечный путь.

– Павлик, а как ты думаешь, зачем нужны звезды?

– Для красоты, наверное, – пожал он плечами.

– Мне Дима рассказывал, что звезды больше Солнца. Их так много, что и сосчитать невозможно. Сколько же нужно работать, чтобы это придумать, сделать и следить за ними. И все только для того, чтобы кто-то любовался?

– Да. А ты думаешь, этого мало?

– Не знаю, друг. Но даже если только для красоты, то можно было их тут повесить, – поднял я палец к небу.

– Ну что будем поднимать? Там раков уже, наверное!..

– Да ну их... Куда они денутся? Давай еще посидим, посмотрим.

Наше созерцание нарушила Ира. Она неожиданно вышла из фиолетовых кустов с розовой кастрюлей в руках: «Мальчики, я подумала, может, вы голодны. Вот, поешьте бабушкиных щей». Мы сурово зашикали на нее. Вздохнули, взяли протянутые алюминиевые ложки и стали прямо из кастрюли хлебать холодные щи с блестками застывшего жира. Вообще-то мы их не любили. Вот окрошка – да. Особенно, если с огурцами и с ядреным домашним квасом. А что щи... Там эта капуста, вареный лук – все какое-то скользкое... Нет, щи – только из-под палки, с горчицей и с видом на парочку поджаристых котлет.

Но в тот миг все было чудесно: и эти безумно вкусные холодные щи с подсохшим белым хлебом, и ...мигающие звезды на черном небе. И плеск душистой воды о борт лодки. И даже неожиданное вторжение Иры, которая молча улыбалась и смотрела то на нас, то на блестящую воду, то на роскошное манящее небо.

Помню, однажды Дима пригласил меня домой и, закрыв дверь своей комнаты на крючок, открыл передо мной книгу «Расследование преступлений». Эту книгу привез из-за границы его папа, большой начальник. Книга шокировала нас цветными фотографиями трупов и сухими подписями: «Поза «боксер», характерная для сторевшего трупа», «Самоубийство путем самоподрыва гранатой, размещенной во рту», «Множественные колото-резаные ранения, нанесенные убийцей в состоянии аффекта», «Разложение трупа в стадии жировоск» и так далее. Нас тошнило, мы закрывали книгу и жадно пили воду, но вновь открывали и упорно смотрели, смотрели.

Всю следующую неделю я думал о хрупкости человеческой жизни. Во мне появилась острая жалость к людям и к самому себе. Как же так, вот мы ходим, едим, учимся и работаем. У нас есть кино, книги, летом цветы и зимой снег. Мы влюбляемся и дружим, мечтаем и тоскуем, смеемся и плачем. И вдруг заболеваем, или подходит убийца, или война, или кирпич на голову, или машина задавит – и все, конец! А куда девается наша любовь, мамина нежность, суровая отцовская дружба, пение птиц, шелест дождя, скрип снега под ногами, сладкое томление и счастье влюбленности – это что, стинет? Все напрасно? Но ведь в этой жизни все так разумно, правильно, красиво. Не может быть, чтобы смерть все это могла уничтожить. Нет, невозможно!

Доел жареную картошку, ополоснул тарелку и выглянул в окно. Там за доминошным столом сидел над шахматной доской Дима. Я выбежал во двор и присел рядом. Он, почти не глядя, передвигал фигуры по клетчатой фанере, листал книгу и хрустел кукурузными палочками. Его соперник, старшекласник с длинным чубом, весь красный и взъерошенный, не обратил на меня внимания. Я горячо зашептал Диме на ухо о своих переживаниях, а он сонными глазами посмотрел на меня и скучно вздохнул.

– Знаешь, Андрюха, ерунда все это.

– Как же ерунда, если все может закончиться в любую секунду.

– Ты же сам сказал, что жизнь разумна и правильна. Значит, и этот вопрос со временем решится. Что ж тогда волноваться?

– Как это что! А если не успеем? Ты помнишь фотографии убитых? Они, поди, даже пискнуть не успели: бац и труп. Они тоже ведь любили и мечтали. И куда все это подевалось?

– Глупый ты, что ли, – вздохнул Дима, небрежно «съев» слона. – Как учит мой великий папа, вопросы надо решать в порядке поступления. Хочешь хрустиков? Нет? Тогда отстань.

Я тупо наблюдал, как подъехала телега со смуглым старьевщиком в шляпе. По двору разлился густой запах лошадиного пота, гниющего тряпья и протяжный клич: «Тря-а-а-апё-о-о-о берё-о-о-о-ом!» Двери подъездов захлопали, и засеменяли к нему бабушки с тюками тряпок. Старик взвешивал тюки на старом чугунном безмене, швырял за спину и взамен протягивал стиральный порошок, синьку, надувные шарик. По какому принципу выбирал он кому что, никто не знал. Возмущаться натуральной оплатой никто не пытался: во-первых, бесполезно, во-вторых, опасно: старик не выпускал из рук длинную плет, которую держал наготове.

– Вот это я понимаю, – сказал Дима. – Частный предприниматель. Бизнесмен. Это человек из нашего будущего.

– Что-то неприятно пахнет твое будущее. Да и выглядит не очень.

– Ты не понимаешь! Он сейчас вернется домой, переоденется в белый костюм, сядет в белый лимузин и поедет в фешенебельный ресторан слегка развеяться.

– Это потому что ему скучно?

– У капиталистов так принято.

– А что толку? – снова спросил я. – Ну помрет он в белом костюме с бокалом «висок» и толстой сигарой. Это даже обиднее.

– Ой, да успокойся ты! Слушай, не закапывай в могилу, – зашипел Дима, потом закатил глаза и продолжил: – белоснежную мечту моего босоного детства.

Нет, я не успокоился. Приставал по очереди к Павлику, Юре и Ане. Но то, что они отвечали, меня не устраивало. Я сидел на лавочке, болтал ногами и думал о бренности бытия. «Андрюша, сынок, сходи в магазин!» – раздался мамин крик с балкона. Впервые я обрадовался этому заданию. Забежал домой, схватил сумку с кошельком и отправился в гастроном.

О, нет! Совсем не простым оказался мой путь... Как всегда, на его извилистой траектории таилось множество препятствий! Так, мне пришлось сыграть партию в пинг-понг, потом снять с дерева толстого глупого кота, потом помочь Юре распилить старинный фотоаппарат, потом залезть на крышу гаража и сбросить оттуда малышне застрявший мяч. Я споткнулся, упал, расшиб колено и залепил его листиком подорожника. Наконец, мне удалось дойти до гастронома и выстоять две очереди: сначала за молоком, потом за хлебом. Все это время я смотрел на людей и, как в кино, видел их будущее: этот умрет от болезни, эта утонет, этот стогрит на пожаре, эта упадет головой на острый камень – и все, все! умрут. Выходя из гастронома, в зеркальной витрине увидел я свое отражение и подумал: «Вот этот мальчик тоже умрет. И даже, может, сегодня и очень страшной смертью». Потом показал ему язык, на что зазеркальный двойник ответил мне примерно тем же.

Чувство близости смерти вызвало у меня острое желание жить. Не просто как-нибудь существовать, а интересно, на всю катушку. Я разглядывал деревья, траву и цветы, кошек и голубей, асфальт под ногами, небо над головой, редких прохожих – и представлял, что вижу это в последний раз. Тысячу раз виденное вызывало у меня сильный интерес, прямо-таки чувство родства с этим миром, который жил, дышал, двигался, плакал и смеялся. Я любил его, восторгался и ... жалею до боли в груди, до горячих слез.

Вдруг я резко остановился. У дороги, под большим кустом на пеньке сидел старый солдат с медалями на груди. Он печально, как брошенная собака, смотрел на прохожих. Я отыскал в кошельке медную монетку и положил ее в старую кепку у деревянного протеза. Нищий поклонился мне и серьезно произнес: «Дай Бог тебе здоровья». От него до дома я почти бежал. Отдал маме сумку с кошельком и попросил монетку для нищего. Она протянула мне три серебряные монеты и погладила по голове. До угла дома я бежал, потом остановился, перевел дыхание и перешел на шаг. Вот он – сидит еще. Я подошел, нагнулся и, снова глядя на страшную деревянную колоду протеза, бросил монеты в кепку. «Дай тебе Бог здоровья», – услышал я и поднял глаза на инвалида. Он улыбался мне, как старому знакомому.

Все эти события требовали немедленного объяснения, и я отправился к Николаю Васильевичу. Дверь открыла молчаливая, всегда грустная тетя Аня и, прошептав приветствие, впустила в дом. Нацедив для меня традиционного «чайного гриба», он спросил:

– Андрейка, да на тебе лица нет. Что случилось?

На всякий случай я ощупал лицо. Все оказалось на месте: нос, щеки, глаза, подбородок. Значит, он пошутил. Понятно.

– Там нищий, – махнул я рукой. – Он мне сказал «Дай Бог тебе здоровья».

– О, это не просто нищий. Я его давно знаю, он философ. Собирает деньги не себе. Во-первых, он дает возможность прохожим сделать доброе дело. Во-вторых, собранные деньги отправляет сироткам в детдом. А тебе, видно, понравилось милостыню подавать, а?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но мне стало очень хорошо.

– Вот и не скупись никогда на милостыню, тогда действительно Бог даст тебе здоровья и много чего еще.

– А нам в школе говорили, что Бога нет.

– Кто так говорит, – для них Бога нет. А ты их не слушай. Есть Бог. А как же иначе! Есть.

– А вот я пришел с таким вопросом. Мне кажется, что в этой жизни все разумно и правильно. Но тогда почему люди умирают? И куда девается то, ради чего они жили?

– Видишь ли, Андрейка, если Бога нет, тогда жизнь действительно смысла не имеет. Пожил – и в землю. Делал добро или зло – неважно: все равно ведь в землю. А вот если ты веришь, что Бог есть, то все становится на свои места. После смерти тела душа твоя даст отчет Богу о прожитой жизни. Если ты делал зло – будешь наказан. Если стремился делать добро, Бог возьмет тебя в Свое Царство. И там продолжится жизнь, только более интересная. Я как-то читал, как там прекрасно! Одно слово – рай!

От этих слов во мне что-то сильно качнулось. Словно туман на миг рассеялся, и я снова увидел, как летаю по светлым безбрежным просторам. Я сидел замороженный и счастливо молчал.

– Ты вот что, Андрейка, о нашем разговоре никому не говори. Просто верь, что Бог есть и Он тебя ждет к Себе в Свое Царство. Всю жизнь стремись делать добро. Пусть это будет наша тайна. Большая, светлая, добрая тайна. Хорошо?

– Да. Мне так хорошо! Спасибо вам.

На День Победы нас одевали в белые рубашки и загоняли на сцену. Перед этим недели две мы разучивали стихи, исполняли оратории, учились красиво маршировать и подносить цветы. И если репетиции доводили нас до полной тупости, то в День Победы на нас сходило какое-то озарение. Сцена, убранная цветами, лучи прожекторов, громкая торжественная музыка, общее волнение – все это приподнимало над суетой, и мы так читали! Так пели!

В первых рядах на плюшевых креслах сидели старенькие ветераны – они-то и становились нашими главными почитателями. Потому что они плакали. После знакомства с нищим инвалидом я на праздничном утреннике все высматривал его лицо среди сотен чужих лиц, но разыскать его не удалось. Тогда я представлял себе, что он сидит в первом ряду в синем костюме с орденами. Вместо страшной деревянной ноги у него аккуратный протез под брюками — совсем незаметный. Он смотрит на меня, а я читаю стихи звонким голосом. И тогда у меня все получалось еще лучше.

В перерыве перед военным фильмом нам позволялось зайти в буфет и бесплатно выпить по стакану лимонада с пирожным. Там же сидели ветераны и пили не только лимонад. Они подзывали нас к себе: «Ну-ка, пианары, скажите заслуженным героям, как вы живете? Хорошо ли учиться? Слушаете ли старших? А ведь мы за вас кровь проливали. За вас мерзли в окопах...» Что тут скажешь, когда так и было. Мы смущенно обещали учиться еще лучше, слушаться еще послушней, дружить еще дружней. Но чего-то нам не хватало. Между нами стояла стена: они, за нас воевавшие, находились по одну сторону, а мы, дети мирных лет, обязанные им самой жизнью – по другую сторону той стены. Тогда я жалел, что среди сидящих в зале, пьющих в буфете, курящих в туалете, гуляющих в фойе – нет моего нищего старика. Мне очень хотелось увидеть его ветхую гимнастерку, деревянную колоду и такие умные, добрые, печальные глаза, услышать волшебные слова: «Дай Бог тебе здоровья».

Летом нам удалось навестить маминых родственников, что жили в деревне. Ехали мы туда сначала поездом, потом автобусом и еще на телеге. Дом, в котором жила тетя Нюра, стоял на самом краю леса. После привычных загородных дачных поселков здешняя природа поразила нас необычным богатством. Мой двоюродный брат Коля, взрослый мужик, пригласил меня сходить «по землянику». Мы только вошли в лес, прошли метров сто и вот она: огромная поляна, сплошь красная от крупной душистой ягоды. Тоже было и с грибами. За полчаса мы набрали по ведру отборных боровиков и белых груздей – других тут не собирали. На рыбалке за полчаса выуживали пяток огромных лещей.

Очень быстро мне надоело охотиться, пробовать на вкус и объедаться. Меня интересовали люди. Здесь, в глубине страны, в глубине народа они должны были владеть чем-то необычным. Рядом шевелилась тайна, она ходила вокруг меня кругами, кричала ночным филином и утренним петухом, пьянила голову пронзительными ароматами цветов, трав и земляники. Я всматривался в загорелые грубоватые лица селян, в их застенчивые глаза, вслушивался в необычный протяжный говор и ждал...

Случилось это на пятый день. Тетя Нюра повела маму на кладбище. Я напросился идти с ними. Кладбище находилось на противоположном краю деревни. По дороге женщины говорили о крестьянском восстании, жестоко подавленном комиссарами. На кладбище мы подошли к огромной братской могиле, в которой покоились двести пятьдесят селян. Тетя Нюра ласково гладила густую траву на могиле и тихонько выла: «Ироды, сколько душ погубили...» Мы долго обходили кладбище. Наши родственники покоились там и тут, под разными холмами. Их объединяло одно: на могилах стояли кресты. Не памятники с красной звездой, обычные для городских кладбищ, но кресты – величественные, живые, родные...

Вечером мы поминали покойников. Стол устали сладостями, глиняные кринки наполнили квасом и компотом. Отец спросил, где водка, тетя Нюра округлила глаза: «Что вы, миленькие! Это ж какой грех-то. Батюшка говорил, что покойники горят как в аду от поминовения водкой. Только сладеньким, чтобы им сладко жилось на том свете». Мама смущенно посмотрела на меня, но промолчала. Я превратился в одно большое ухо.

Тетя Нюра стала рассказывать, как жили «до красных». Оказывается, деревня эта была крупным селом. Имелись здесь церковь о пяти главах, кирпичный и кожевенный заводики, две мельницы. Народ жил богато и вольно. Держали большие стада скотинки, разную птицу, пасеки. Два раза в год снаряжали ходоков в святые места: в Палестину, на Афон, в Сергиеву Лавру, в Киев, Печоры... Если там пьяница какой завелся или девка загуляла – это бывало, конечно, но таких сразу на сход – и на тебе, голубчик, на пряники: или из села прочь или за ум берись, а народ честной не срами! А так вообще все было хорошо: и работали сообща, и праздники отмечали вместе, и в церковь ходили. А как эти ироды красные нагрянули, так всему конец. Только огонь, кровь да слезы горькие.

Поплакала она, перекрестилась: «На все воля Божья» и заговорила о другом. Родители облегченно вздохнули: наконец-то. Рассказывала она о колхозе, об урожаях и людях. А в каждом слове, в голосе, в глазах: не так, не то, все пошло вкривь и вкось... Но, странное дело, об этом застолье у меня осталось светлое воспоминание. Я молчал. Но каждое слово, как семечко, падало в глубину моей детской души и замирало до времени.

Утром я помогал тетке пропалывать огород: трава на грядках росла мощно, и ее нужно было подсекать через день. Для меня это стало чем-то вроде зарядки. Вдруг я выпрямился и сказал:

– Теть Нюр, хочешь я тебе кое-что расскажу?

– А давай, – весело отозвалась она, – только больно-то не заливай.

И рассказал «о полетах во сне и наяву». Я, как всегда, увлекся, слова лились, падали каплями дождя, сверкали зарницами. Картины оживали и зримо проплывали передо мной. Тетка, открыв рот и глаза, слушала, забыв о траве... Я смотрел в ее глаза, она – в мои. «Слава Тебе, Господи! – прошептала она. – Вера отцовская в дом возвращается!» Она обняла меня:

– Да ты знаешь, Андрюш, о чем ты сейчас рассказывал?

– Ну, это... так... фантазии...

– Нет, племянничек дорогой, это Царство небесное – вот что такое.

– А где это?

– Знамо дело, на небесах, в раю.

– А откуда у меня... это?

– Видать Ангел тебя водит по небесам. А как еще?

– Ничего не понимаю.

– Не бойсь, Андриюш, все поймешь. Ангел тебя не оставит. – Потом снова подняла глаза к синему небу и тихонько запричитала: – Вера-то, вера, снова в народ возвращается. Слава Богу! Ох, и порадовал ты меня.

Ничего я тогда не понял, но увез с собой нечто очень важное, что проснется несколько позже.

Возвращались мы в город, во двор, к друзьям всегда с радостью. Все-таки любили мы друг друга и сучали, когда не виделись. Разговоров и воспоминаний было – до зимы хватало.

Бывало так. Ляжет снег – белый, сверкающий, пахучий; укатают его машины. Мы надем коньки и с клюшками в руках носимся по улицам между машин, пасуя друг другу шайбу или консервную банку. Ярко горят уличные фонари, тысячи окон в домах. Свет отражается от белого льда, голубоватого инея на ветках. На небе – звезды или светлый свод из облаков, как в пассаже. Легкий мороз освежает гортань. Или бегаем по парку на лыжах. Или во дворе выбиваем ковры на снегу, прыгая по ним и кувыркаясь, чтобы веником смести грязный снег и снова засыпать ковер белым, пушистым. Мы выкрикиваем что-нибудь по очереди. И обязательно кто-то первым вспомнит лето, следом второй, третий... Кругом зима, а мы возвращаемся в лето, осень, в деревню, на море.

Утром я всегда просыпался резко, будто кто меня трогал за плечо. Вскакивал на ноги и подходил к окну. Через секунду раздавалось нечто похожее на боевой клич индейцев апачей: «Мэ-э-элэ-э-ко-а-а!» Эта загадочная молочница будила весь двор, но увидеть ее никак не удавалось. Наверное, она стояла под аркой дома: там звуки усиливало эхо, и она использовала арку, как огромный рупор. Там, за окном, бежали бабушки с бидонами, лаяли собаки, летали птицы, махали метлами дворники, гудели автомашины.

Как можно валяться в постели, когда столько дел впереди! Что-то такое жило во мне, в нас... Мы проживали каждый день жадно, с интересом... Это походило на разведку боем. Нам до всего было дело. Мы подспудно искали свой жизненный путь. Почему-то не оставляла уверенность: мы обязательно найдем, что ищем. Мы победим.

Однажды пропал Павлик. Мы с ним, Юрой и Ирой ходили на развалины. Старшие очень сердились, когда мы убегали туда играть. Со времен войны в заросших бурьяном руинах находили мины, патроны и оружие. Нам рассказывали, что много непослушных мальчишек подорвалось на минах, случалось, взрывом отрывало руки и выжигало глаза. Мы сами боялись этого мрачного места, но тянуло нас туда как магнитом.

Вот и в тот день мы вчетвером пошли на развалины играть в войну. Мы бегали, кричали: «Тух-тух! Ды-ды-ды! Юрик, ты ранен. Куда пошел? Падай! Ирка, быстро неси бинты и перевязи раненого» – «Не хочу медсестрой! Я командиром буду!» – «Тогда иди к девчонкам и командуй, сколько хочешь, задрыга». – «А я бабушке пожалуюсь!» – «У, сексотина, брысь отсюда!» Словом, все было, как обычно... Когда собрались уходить, Павлика с нами не оказалось. Мы подумали, что он убежал во двор, и спокойно пошли туда сами. Но нашего верного боевого друга там не было. Зато его искала мама с испуганными глазами. Мы вернулись на развалины и прочесали местность. Его там не было.

Мы с ребятами понуро возвращались во двор. Я шел с камнем в груди и думал, а если он погиб. А если он провалился в глубокую яму и лежит там со сломанным позвоночником. А если на него напали убийцы. Я не мог представить себе Павлика мертвым. Он такой добрый, веселый, хороший. Нет, лучше уж мне умереть вместо него. Пусть меня убьют, но только не моего друга.

И вдруг я увидел его. Павлик сидел на лавочке у нашего подъезда. Я подбежал и закричал:

– Где был? Мы тебя искали. Я чуть не умер из-за тебя!

– Извини, – сказал он тихо. – Сначала я обиделся и хотел вас проучить. А потом...

– Что? Что потом-то?

– Я видел отца. Он вернулся.

– Так радоваться должен. Ты чего?

– Я боюсь его, – признался он. В трусости он мог признаться только мне, своему другу. У нас не принято было трусить, бояться. Отец его был преступником. Он почти все время сидел в тюрьме после воровства или воровал перед посадкой в тюрьму.

– Пойдем вместе. Двоих он не тронет.

– Пойдем.

Тихо, как мыши, вошли мы в квартиру, где жил Павлик. В комнате за круглым обеденным столом сидел в голубой майке толстый мужик со стрижкой «под ноль». Он смотрел по телевизору футбол, пил пиво, курил папиросу. Его толстые руки почти сплошь покрывали голубые татуировки.

– Пришел, змееныш, – прошипел он, не отрываясь от телевизора.

– Он не змееныш! – крикнул я. – Павлик хороший человек.

– Это еще что за шмакодявка?

– И никакой не шмакодявка. Я друг Павлика. Человек. Поняли?

Он встал и подошел ко мне. Его большая сальная пятерня легла на мое горло.

– Да я тебя щас придушу...

– Души, гад! – просипел я сдавленным горлом. – Всех не передужишь, фашист поганый. За меня друзья отомстят. А тебе все равно не жить. Перо те в бок, баклан парашный.

Он удивленно смотрел на меня. Я – на него. Откуда только взялись эта моя храбрость, эти слова из блатного жаргона? Павлик стоял рядом белый, словно в параличе. Я знал одно: мне проиграть нельзя. Хоть умри, но докажи свою силу. Наши взгляды – мой и этого ворюги – сцепились, как руки борцов. Впервые в жизни я видел, как взрослый мужчина меняется от страха. Его глаза сужались и расширялись, тупая морда с поросячьими глазками побурела. Хватка его пальцев на моем горле ослабла, он растерянно опустил руку. Чем дольше мы стояли и смотрели друг другу в глаза, тем спокойней становился я, и тем большим страхом наполнялся он. Взрослый мужик боялся меня, хлипкого мальчишку! Я это видел и внутренне ликовал.

– Ладно, – сказал он. – Это... Я пошутил. – Он сунул руку в карман мятых брюк. Вынул оттуда замызганный рубль и протянул почему-то мне.

– На вот. Сходите в кино.

Уже на улице мы обнялись с Павликом и вместе пошли на проспект. Мы победили. И победу нужно было отметить. Впереди маячили неоновыми огнями вывески кинотеатра и кафе-мороженого, бурлила толпа людей, «культурно отдыхающих» после работы.

С того дня такие понятия, как пиво, футбол, папиросы, татуировки, воровство, трусость – сплелись для меня в один мерзкий клубок.

Вторая возможность проявить мою новоявленную храбрость не заставила себя ждать. Недели через две мы с друзьями выходили из детской спортивной школы – ДСШ, – куда я ходил в секцию гимнастики. У нас было хорошее настроение: скоро соревнования, на которых присуждают разряды. И мы на этот счет имели самые радужные планы. Вдруг нас окружили пятеро парней, старше года на три-четыре, и предложили пройти за угол. Я знал, что за углом вся земля пропитана слезами, кровью и усыпана выбитыми зубами. Там выясняли отношения все драчуны района.

Когда мы остановились, я понял, почему это место выбрано для разборок: с одной стороны – глухие стены ДСШ, с другой – высокие, густые кусты. Один из пятерки, самый худой, но самый наглый, вышел вперед и потребовал вытряхнуть из карманов всю наличность. Он оказался как раз напротив меня, поэтому именно мне достались брызги слюны в лицо. Этого я стерпеть не мог.

И снова меня окатило горячей волной безрассудной храбрости. Мне стало все равно, чем это кончится: попаду ли я в милицию, накажут ли родители, выбьют ли мне зубы и... так далее. Тело мое налилось кипящей кровью. Рот сам собой открылся, и я хрипло закричал: «Да я тебя разорву, гад!» И бросился на слюнявого с кулаками. От первого удара в лицо его развернуло, он оказался ко мне спиной. Следующий удар ногой пришелся ему пониже спины. Он взвыл и побежал. Я за ним. Моя нога несколько раз ударила его в ту же часть тела. Когда опозоренный противник скрылся в кустах, я обернулся. Наверное, вид мой был страшен: остальные четверо попятились. Я медленно пошел на них и был готов ко всему. Они бросились врассыпную. Я настиг одного и повторил удар ногой. Он растянулся и, закрыв лицо руками, заплакал, как девчонка.

Я вернулся к друзьям. Они застыли и вышли из ступора, когда я сказал: «Идем!» На следующий день вся школа знала, что мы втроем побили пятерых взрослых мужиков, выше нас на голову. Я не был против: втроем, так втроем. Со мной уважительно здоровались, первыми протягивая руку. От гордости меня распирало, голова кружилась.

Только Света стала меня избегать. Родители тоже скорбно молчали. Мне это не нравилось.

– Я победил! – кричал я в гостях у Николая Васильевича. – Мои враги были старше и сильнее меня. Просто я оказался храбрее, понимаете?

– Да ты не волнуйся, Андрюш, – ответил он спокойно. – Я хоть и старый, но пока еще не глухой.

– Почему тогда Света на меня смотрит, как на больного? Почему родители молчат? Почему Павлик стал меня избегать?

– Понимаешь, мальчик, они обнаружили в тебе то, чего раньше не видели. Думаю, ты и сам не подозревал, что в тебе сидит такой зверь. Так ведь?

– Какой еще зверь... – отозвался я растерянно. А старик был прав: не подозревал.

– Ты знаешь, мне пришлось воевать. Чего только я не рассмотрел: и трусость, и храбрость, кровь, куски тел. Кто-то от страха шел на любую подлость. Кто-то зверел, от крови пьянел, как от вина. Эти сами становились похожи на зверей. Но не они одержали победу. А те, кто хоть и боялись, но сумели преодолеть свою слабость ради отчизны, народа, семьи. Но больше всего мне запомнилась сестричка. Ну, медицинская сестричка. Хрупкая такая, беленькая... Она ни разу за всю войну не выстрелила. Но как раненого из самого ада выносить – она первая. И откуда только силы брались. У нее ручки тоненькие были, как у девочки. А вот, смотри ж ты, сотни людей спасла.

– При чем здесь это? – спросил я недоуменно.

– А вот при чем, – вздохнул он с хрипом в груди. – Ты обнаружил в себе внутреннего врага – ненависть. Он пока сидел до случая в норе и носу не высывал. Ждал. Но уже дважды он показал звериный оскал. Помнишь, я говорил, что у тебя сердце любящее? Так вот, Андрейка, не может в одном сердце жить любовь и ненависть. Ты должен выбрать: быть слабым и любить – или стать сильным, но иметь злое, холодное, как лед, сердце. Что ты выбираешь?

Передо мной вихрем пронеслись просторы, залитые светом; кроткие глаза мамы, Светы, чье-то дивной красоты огненное лицо, родное до боли. Я молчал и мучительно выбирал. Быть битым, опозоренным слабаком – или победителем, которого все уважают? Любить – или ненавидеть? Свет – тьма.

– Я выбираю любовь, – неожиданно сказал я. Потом уверенно повторил: – Да, любовь.

– Хорошо, – хрипло произнес старик. Он казался спокойным, но я видел, как он внутренне радовался за меня. – Тогда скажи громко и четко... Скажи ради своего будущего и тех людей, которых ты согреешь любовью... Скажи перед лицом Бога: «Я никогда, что бы ни случилось, никого не ударю и не убью!»

Я громко произнес обещание. И что-то во мне будто оборвалось. Что-то черное отслоилось и упало на землю. На миг показалось, что меня окатило светом. Я тряхнул головой. На душе стало легко.

– Ну вот, молодец, – улыбнулся Николай Васильевич сухими губами и положил теплую ладонь мне на плечо. – А теперь я тебе открою один закон. Ты всю жизнь будешь его на себе проверять. Закон такой: человек, который поклялся никого не бить, и сам битым никогда не будет.

– Почему?

– Такие люди находятся под защитой Бога. Она хоть и невидима, но покрепче всякой брони. Думаю, ты не раз вспомнишь об этом законе, когда зло пройдет мимо.

Через три дня после этого разговора у входной двери в наш подъезд появилось нечто страшное: красная крышка гроба. Мама сказала, что Николай Васильевич умер. Два дня я рыдал и выл, как девчонка. Два дня с грохочущим сердцем бегом пронесился мимо их двери на улицу. К вечеру второго дня тошнотворный сладковатый запах разлился по всей лестнице. Поздно ночью я не спал, меня душило чувство несправедливости: хороший, добрый, умный человек умирает, а разные преступники продолжают жить. Жалел и себя, потому что потерял друга. Ничего поделать я не мог, а только бессильно молча плакал. Под окном затарахтел автомобильный двигатель. Я выглянул во двор. Из старенького «москвича» вышел бородатый пожилой мужчина и быстрым шагом с портфелем в руке направился в наш подъезд. Через полчаса я успокоился и уснул. В эту ночь мне спалось крепко.

Спускаясь утром по лестнице, я не бежал. Противный запах исчез, зато пахло лимоном и чем-то похожим на аромат «чайного гриба». После школы мама накормила меня обедом и повела в дом Николая Васильевича «попрощаться». Мое сердце сильно билось, во рту пересохло. В квартире толпились незнакомые люди. Говорили полупшепотом. Мама обняла и поцеловала тетю Аню. Тут я услышал то, что мне запомнилось надолго. Всегда тихая, грустная тетя Аня вдруг улыбнулась, прикрыв ладошкой рот, и сказала маме: «Николаюшку-то священник отпевать приезжал. Да. Все по-людски сделали. Вот уж душенька его радуется сейчас».

Красный гроб стоял в комнате, куда так любил я заходить. Мама взяла меня за руку и подвела к гробу. Она несколько раз всхлинула, протянула руку и погладила скрещенные побелевшие старческие руки с каплями желтого воска. Я набрался смелости, выглянул из-за мамы и увидел лицо умершего. Мне показалось, что он спит – так спокойно оно было. Мне даже показалось, что он улыбается, как раньше: «Пусть это будет наша тайна».

Страх, оцепенение, тоска – все прошло. В полном спокойствии во мне прозвучали слова: «Добрые люди не умирают, они уходят к Богу, в Его Царство».

Мы вернулись домой, мама обняла меня: «Да, это хорошая смерть. Как он улыбался, Андрюш, ты видел?» Мы прилипли к оконному стеклу, наблюдая, как подъехал грузовик. Посередине кузова поставили красный гроб, вдоль бортов – длинные скамейки, кочевавшие по квартирам, где собирались люди. Когда родственники и пожилые друзья Николая Васильевича расселись, кто-то положил на гроб три красные бархатные подушки с медалями и орденами. При жизни он их никогда не надевал.

Куда уходит детство

У нас во дворе соседи жили, как родственники. Окна и двери нараспашку. Мы знали все обо всех: кто, с кем, как живет; где работают, что готовили на ужин и какой фильм смотрели по телевизору. Когда набегаешься, постучишь по подоконнику первого этажа, попросишь попить – пожалуйста, кружка кваса или компота: «Пей на здоровье, деточка». Часто приходилось обедать, ужинать у соседей, когда, например, заиграешься с их детьми. Свое-то давно приелось. Мама работала на заводе в конторе. Времени на готовку в обычные дни у нее было маловато. Мы ели все больше котлеты и суп. Зато у соседей можно было попробовать что-то необычное. Например, у Димы нам ставили большую тарелку с нарезанной колбасой разных сортов, белый хлеб и острый соус. Мама Павлика любила готовить блины и домашнюю лапшу. Бабушка Иришки, даже на кухне ходившая в блузке с брошью, всем блюдам предпочитала салаты, особенно греческий с брынзой и сладким перцем и французский «оливье». У Анечки почти всегда угощали пирожками и пирожными. Она даже в школу каждый день носила коробку с пирожными.

Мы всегда знали, к кому обратиться, чтобы «слегка перекусить». Аня смущенно открывала коробку с завернутыми в салфетку пирожными или булочками. Однажды Лидия Михайловна за чаем сказала, что в моем классе Анечка — самая красивая девочка. Мне она такой не казалась: во-первых, очки с толстыми стеклами; во-вторых, слишком тихая и неприметная. Но если так сказала взрослая умная женщина... И я пригляделся к Ане. На самом деле, под стеклами очков обнаружили большие карие глаза с длинными ресницами, в лице ее угадывалось благородство, доброта и ум. Волосы у нее волнистые, красиво уложенные. Ну и это... фигурка, там, ножки и все прочее тоже ничего. Но, конечно, со Светой не сравнить, она – вне досягаемости.

После того чая Лидия Михайловна переделалась «в очень скромное» и предложила нам сопровождать ее во время посещения учеников, разумеется, проблемных. Нам она сказала, что мы будем ее поддержкой и защитой, потому что во время таких обходов «всякое случается». Мы сели на трамвай, вышли на следующей остановке. Прошли немного, свернули во двор и чуть не упали в яму. Сразу за аркой начинался котлован, на дне которого копошились по колено в грязи водопроводчики. С трудом нашли третий подъезд и по мрачной неубранной лестнице поднялись на пятый этаж.

- О ужас, – простонала, задыхаясь, Света. – Как они живут в этой грязи!
- Живут, как видишь.

Мы позвонили. Никто не откликнулся. Наверное, потому что там кричали. Я дернул дверь, она открылась, и мы вошли. Пришлось дойти до кухни, чтобы на нас обратили внимание. Квартира, как лестница и двор – больше напоминала склад: всюду висело барахло, тазы, одежда; стояли старая мебель, тазы и ящики. Всюду витал кислый затхлый запах.

- Ты кто такая? – раздался пьяный мужской голос.
- Я классный руководитель вашего Толика, – вежливо ответила Лидия Михайловна. – И предпочитаю, чтобы ко мне обращались на «вы».

Из-за стола, покачиваясь, поднялся пузатый мужчина, голый по пояс. Он схватил со стола бутылку и спрятал за спину. Рядом с ним сидела опухшая женщина в халате и трое чумазных детей.

- А мы тут обедаем, – с трудом подбирая цензурные слова, сказал мужчина.
- Я пришла выяснить, почему Толик третий день не приходит в школу.
- Так он болеет.
- Можно взглянуть на справку врача?
- А зачем она? У него соп... он простыл.

- Могу я на него взглянуть?
- А чего глядеть-то? Он там, в комнате спит.
- Я прошу провести меня к нему.
- Нечего те... вам на него смотреть. Болеет дите и все.
- Мне привести милицию?
- А зачем нам милиция? Нам ее не надо.
- Тогда ведите.

В темной сырой комнате лежал мальчик, отвернувшись к стене. Лидия Михайловна присела на край кровати, ласково погладила его грязную голову и повернула к себе лицо. Под глазом и на лбу виднелись синяки.

– Как ты себя чувствуешь, Толик?

– Хорошо, Лидия Михайловна, – тонким голоском ответил мальчик.

– Ну вот, слышите: хорошо, – просипела женщина в халате. – И нечего беспокоиться. Полежит денек-другой и обратно в школу пойдет.

– Ну-ка, выйдем, – тихо сказала Лидия Михайловна. Мы вышли из комнаты и вернулись на кухню. Она глянула на детей и сказала им: – Ребята, пойдите, погуляйте.

Когда дети, испуганно озираясь, вышли, Лидия Михайловна сказала негромко, но со сталью в голосе:

– Послушайте меня внимательно, товарищи родители. Если вы еще хоть раз тронете Толика, – а я теперь буду наблюдать за ним и за вами. Так вот обещаю, что сделаю все возможное, чтобы отправить вас на скамью подсудимых за избивание детей, тунеядство и пьянство. Слышите! Я теперь вам покоя не дам. Да вы знаете, что Толик один из лучших учеников класса, у него способности, он добрый, отзывчивый мальчик. Я за него буду воевать, слышите!

Наконец, мы вышли на улицу и по солнечной стороне побрели к остановке трамвая. Света взяла маму под руку, прижалась головкой к ее плечу и сказала:

– Мама, давай возьмем Толика к себе. Я ему сестрой буду. Вот увидишь, мы с ним подружимся.

– Я не сомневаюсь, дочка. Только, к сожалению, это не так просто. У него есть родители.

Пока они вслух рассуждали, я думал о том, как можно так жить, как эти несчастные. Кругом такая интересная жизнь, а они пьянствуют, сидят во тьме и ужасе. И еще я любовался Светой и ее мамой. Рядом со мной шли две женщины: одна умудренная опытом, взрослая, другая – маленькая женщина, будущая мать.

Мы в тот день посетили еще три проблемные семьи. Почти всюду нас ожидало то же: грязь, грубость, пьянство и несчастные дети. И каждый раз Света предлагала маме поселить детей у себя. И только в конце обхода она всхлипнула и сдавленным голосом жалостно протянула:

– Мамочка, что же это? Сколько несчастья, сколько беды вокруг. Причем дети? Почему им-то мучиться?

– Ты, Светик, только чуть-чуть коснулась этого мира. Вот подрастешь, тогда поймешь, что всех детей к себе не переселишь, всех не защитишь. Иногда просто руки опускаются, глядя на все это. Но со временем понимаешь: надо просто делать, что можешь, и терпеть.

Вернувшись домой, я посмотрел на родителей другими глазами. Это было открытие: мне очень, очень с ними повезло. Трезвые, трудолюбивые, заботливые, если и поругают, то за дело, а потом еще и пожалеют. Отец порой бывал суров, когда уставал на работе, или я чего-нибудь натворил. Но уже завтра он снова улыбался, и тучи рассеивались. И тогда он позволял мне все. Он мог ни с того ни с сего принести домой охапку цветов, свертки с подарками или сумку с «вкусненьким». И тогда в дом приходил праздник.

Мама даже ругаться не умела. Ей было трудно просто повысить голос. Когда мы с отцом чем-то ее огорчали, она могла промолчать, даже всплакнуть в уединении. Мы тогда переживали, ругали себя последними словами и всегда просили у нее прощения. Все внутренние проблемы семьи сглаживала мама. Она была удивительно цельной натурой: мягкой, тихой, кроткой. Когда мне приходилось видеть ее больной, печальной, усталой – у меня внутри все таяло от любви к этому ангелу. Тогда мне казалось, что я и дня не смогу прожить, если она умрет. Нет, уж лучше я умру первым. Нет – пусть мы оба, в один день, в один миг, взявшись за руки...

Мои добрые, дорогие, прекрасные родители куда-то собирались. Папа искал сандалии и темные очки. На столе стояла сумка. Мама складывала в нее свертки с банками, с трудом сдерживая смех.

– Вот, сынок, пригласили нас на пляж.

– Кто?

– Родители твоего Димы, – вздохнула она, гася улыбку. – Пойдем, поужинаем на природе.

Во дворе нас ожидали бесстрастный Дима, «великий» папа и не менее великая мама. Они держали в руках четыре туго набитые сумки. Пляж к этому времени почти опустел. Мы выбрали удобное место поближе к воде и расстелили на теплом песке большое одеяло. Пока взрослые занимались опустошением сумок, мы с Димой купались. Доплыли до красного пластикового буйка, побили его кулаками, как боксерскую грушу. Услышали свисток из будки спасателя, помахали ему рукой и вернулись на берег. Брызгая мокрыми волосами, сели на одеяло. А там!..

В кастрюле белела вареная картошка в масле с укропом, в банках мерцали: салат «оливье», селедка в кольцах лука, маринованные помидоры с огурцами, на тарелках горками высились: котлеты, жареная курица, печеная рыба, вареные раки, яйца, свежие помидоры, сладкий перец и малосольные огурцы с чесноком. Конечно, отдельно в лотке – фирменное блюдо: ассорти из колбасы четырех сортов с вкраплением корейки и буженины. Над всей этой композицией – две бутылки домашнего вина.

– А что там, в горшочке?

– Печеночка в сметанке. Берите, кушайте.

– А вот это что?

– Зелень в майонезике: лучок, редисочка, укропчик, сельдерей.

– Простите, а соку нет случайно?

– Как нет? Вот вам, деточки, томатный, вишневый. А тут компотик. Кушайте на здоровье.

Мы с Димой попробовали всего понемножку и поняли, что пора обратно в воду. Иначе мы не поднимемся. Тут нас и оставят «на воздухе». Может, даже навсегда...

Поплескавшись, сели на пустую лавочку. Родители обсуждали что-то политическое. Мои вяло тыкали ложками в то, что поближе. Димины – кушали с невероятным аппетитом, успевая говорить и предлагать новые и новые блюда. Мои казались тощими недоростками на фоне объемных животов напротив.

– Слышь, Андрюх, – прошептал Дима, глядя прямо перед собой на круги, расходящиеся по воде, – мы пойдем другим путем.

– Это каким же?

– Неужели ты не видишь, что это, – кивнул он в сторону пикника, – тупик. Работать, чтобы жрать – скучно. Вся эта политика насчет изобилия – ерунда. Вот он – коммунизм в отдельно взятой семье. Любуйся, пока не стошнит.

– А мы сегодня с Лидией Михайловной ходили по трудным семьям. Там картина другая. – Я рассказал о своих впечатлениях.

– Ну и что? – хмыкнул Дима. – У этих алкашей только и всего, что другая пропорция вина и закуски. Наши скоро заснут от обжорства, а тем еще почудить да подрататься надо. Помоему, даже интересней. Нет, это тупик.

– А что не тупик?

– Надо брызнуть по миру мешанства пулеметной очередью наших свежих мозгов!

– Смотри, добрызгаешься, злостный антисоветчик.

– Начхать... Все лучше, чем это. – Он снова кивнул в сторону осоловевших едоков, хмыкнул и громко произнес: – Товарищи отдыхающие, а не пора ли нам в колыбельку? Завтра, между прочим, рабочий день.

Мои родители посмотрели на Диму с большим уважением и благодарно улыбнулись.

Но вот однажды в классе появилась «новенькая». Единственное свободное место имелось за моей партой. Меня словно обдало свежим ветром – это рядом плюхнулась резкая, порывистая девочка, звали ее Валею. Она жила в соседнем дворе, что в торце нашего дома, за дорогой. Странный пустынный двор со странными жителями. Дом из бурого кирпича с черными от тени окнами. Говорили, что двор «держит» большая семья, состоящая сплошь из хулиганов. Так вот Валя оказалась из той семьи Кудриных.

– Ты, видать, отличник? – спросила она, двинув меня локтем.

– Не совсем.

– Помогать мне будешь?

– Посмотрим. А ты откуда перевелась?

– Из соседней школы. Меня оттуда за хулиганку прогнали. А сюда послали, потому что здесь учителя сильные. Понимаешь, мне очень нужно школу закончить. А дальше – в техникум.

– Если очень нужно, то закончишь.

В последующие дни мне поставили несколько «пятерок». На физкультуре физрук объявил, что по программе у нас освоение гимнастических снарядов. Он попросил меня показать несколько упражнений на брусьях и перекладине. На разминке мы неплохо разогрелись, мышцы мои звенели, как струны гитары. Я делал перевороты, крутил «солнце», замирал в стойке на руках, держал уголок – эти обычные упражнения из норматива первого разряда, вызвали у ребят бурю восторгов.

На следующий день Валя искоса смотрела на меня, и все порывалась что-то сказать. На перемене мы со Светой прогуливались во дворе. Нас обогнал сутулый Дима в облаке табачного дыма. Вокруг него прыгал, размахивая руками, Юра, обсуждая проект сборки лазера. Дима у нас в школе числился штатным вундеркиндом. В шестом классе скуки ради он одолел всю школьную программу. Деваться ему было некуда, экстернов не существовало. Теперь он для проформы ходил в школу, отсиживал уроки, учил французский, греческий, латынь и штудировал учебники третьего курса МФТИ – самого умного в стране института. Наши учителя конфликтовать с ним опасались, поэтому закрывали глаза на его длинные растрепанные волосы и курение. Его эрудиция выходила далеко за рамки школьной программы, и еще никому из взрослых не удалось услышать от него «не знаю». Зато некоторые вопросы Димы ставили в тупик даже нашего физика, который, как известно, окончил физмат университета с отличием. Поговаривали, что эти двое вундеркиндов – стар и млад – частенько запирались в лаборатории физкабинета и, попивая разбавленный спирт, в клубах сигаретного дыма планировали переворот в физике.

Я рассказал Свете, как однажды мы с Димой предавались общему увлечению: прослушивали симфоническую коллекцию Бетховена. Потом решили изобразить что-нибудь в том же духе, но еще более мощное. Посидели, сочинили, а потом пригласили к себе Юру и записали на магнитофон нашу джаз-рок-оперу «Ту мор бади» («Слишком много тела»), исполняя на электрогитаре Юры, перевернутом тазике и губах. Пустили запись по рукам, выдав ее за новый хит

«Роллинг стоунс», и все поверили. Проворный Юра даже заработал на этом какие-то деньги. Нас же с Димой интересовало только «чистое искусство» и психология массового психоза.

Света слушала меня, кивая невпопад. Солнечный свет, запутавшись в ее золотистых волосах, окружал лицо и плечи сиянием. «Она святая, – думал я, – у нее нимб над головой». Она улыбнулась чему-то своему, взяла меня за руку, как в детстве, и показала на летающего высоко в небе стрижа:

– Смотри, он хочет показать высший пилотаж.

Стриж на секунду замер, закувыркался, сделал мертвую петлю и стал выписывать в воздухе спираль. Потом он спикировал на нас и со свистом пролетел буквально в метре от наших лиц. Я даже успел разглядеть полуоткрытый клюв и задорные черные глазки.

– А вон та собака сейчас на тебя бросится.

Из кустов выскочила взерошенная псина и, оскалив клыки, зарычала и несколько раз угрожающе скакнула в мою сторону.

– Не волнуйся, Шарик, он мой друг, – сказала Света животному. Собака взвизгнула, будто извиняясь, и скрылась в кустах.

– Как это у тебя получается? – спросил я.

– Сама не знаю. Просто иногда слышу мысли животных и птиц.

– А мои... мои мысли ты слышишь?

– Изредка, – опустила она голову.

– Света! – Я схватил ее за плечи и повернул к себе лицом. – Послушай это.

«Когда же ты откроешься и ответишь на мою любовь?» – завопил я мысленно.

– Пойдем, – отвернулась она. – Сейчас перемена кончится.

– И все-таки? – настаивал я.

– Это от меня не зависит. – Затем таинственно улыбнулась: – Скоро ты узнаешь любовь одной девушки. Очень даже скоро.

С тяжелым сердцем вошел я в душный класс и сел за раскаленную солнцем парту. Валя тихо сидела рядом. В последнее время она вела себя незаметно, я даже перестал обращать на нее внимание. И тут она склонилась к парте и, глядя мне в глаза, спросила:

– Андрей, а что у тебя со Светой?

– Люблю я ее. С пяти лет.

– А она?

– Она тоже...

– Что тоже?

– Любит себя, – предположил я. Потом внимательно взглянул на нее и сказал: – Слушай, Валюш, ты девушка, может, ты мне объяснишь, что вы там себе думаете?

– Какая же я девушка, – горько улыбнулась она. – Я с пацанами дерусь и по деревьям лазю.

– Лазаю, – автоматически поправил я. – А ты стань! Стань девушкой и потом... объяснишь мне, что вы за существа такие.

– Хорошо, стану. Для тебя, Андрей, стану. Только помоги мне. Пожалуйста.

– Как? – тряхнул я головой. – Ты предлагаешь «Пигмалион» сыграть? Только я не профессор Хиггинс. Я вообще... непонятно кто.

– Ну, ты что, Андрей! – ткнула она мне в грудь железным кулачком. – Не дрейфь. Ты такой!.. Такой!..

– Ладно, мисс Дулиттл, – решил я. – Бери лист бумаги, записывай план работы. Сначала ты прочтешь пьесу Шоу «Пигмалион», потом запишешься в кружок бальных танцев...

И я стал диктовать, что ей нужно сделать. В гостях у Светы я попросил помощи. Они с мамой слегка удивились, но дали согласие. Во всяком случае, взяли на себя обучение Вали правилам этикета и умению подбирать одежду; ну, и, конечно, другим «маленьким женским

тайнам». Из гардероба Светы, ее мамы и маминых знакомых некоторые наряды перекочевали в шкафчик будущей леди.

Валя оказалась трудолюбивой и старательной ученицей. Мне удалось подсмотреть некоторые уроки, через которые приходилось ей пройти. Например, входить в комнату к гостям или подавать руку мужчине, садиться, встать ее заставляли не меньше тысячи раз. Она с завязанными глазами накрывала стол, расставляла приборы и убирала их. На уроках танцев она сотни раз повторяла какие-то замысловатые «па», от которых у нормального мужчины просто закружилась бы голова, и ноги завязались в узел. С лица девушки пот катил градом. Но дело того стоило!

Уже через неделю у нее изменились ногти, прическа и одежда, через месяц – походка, через два – лексикон. От ее мальчишеской угловатости не осталось и следа. Мне казалось, что ее движения диктовались внутренними лекалами с мягкими округлыми линиями. Школьные учителя только диву давались: девушка училась на твердые «четверки», стала вежливой и послушной. Разумеется, успехи девушки они приписывали своему педагогическому таланту. С родительских собраний Валина мама уходила со слезами. Слезами радости.

В то лето у меня сильно болели суставы и голова. По ночам во сне я падал в пропасть, кричал – и просыпался в поту. Врач объяснил мне, что так и должно быть: я расту. Действительно, к началу учебного года бедным родителям пришлось менять почти весь мой гардероб. Вытянулся я на семь сантиметров и из середины строя перешел в первую пятерку акселератов.

С большой отцовской премии достались мне джинсы цвета индиго. Но самой ценной обновой стал, конечно, плащ. В нем я чувствовал себя солидным мужчиной. Когда в сентябре пролил первый затяжной дождь, я надел плащ и вышел в люди. Тут я обнаружил, что люди почти все тоже облачены в плащи. А еще обнаружил, что эта непромокаемая одежда не спасает голову и ноги от сырости. Использовать по назначению зонт с калошами меня мог заставить разве только приговор суда.

Весь месяц у кинотеатров собирались длинные очереди. Огромные афиши у касс изображали красивую юную пару, а под ними красными буквами горела подпись: «Ромео и Джульетта». С большим трудом я купил билеты и пригласил в кино Свету. Еще по дороге в кинотеатр, шурша распахнутым плащом, уловил тонкий аромат ее духов. Я вслух отгадывал, из чего он состоит: ландыш, лимон, хвоя... «А я ничего, кроме ландыша, не чувствую», – призналась она.

О, что это был за фильм! Синеглазый Ромео и Джульетта с зелеными глазами, оба сказочно красивы, в ярких средневековых костюмах. Как они любили! Несколько раз лицо Джульетты показывали крупным планом, и я смотрел, не мог наглядеться, в загадочные зеленые глаза, которые так редко видел у Светы. В отличие от моей застенчивой возлюбленной эта, экранная, глаз не прятала, а смотрела в упор, как малое дитя.

Когда показывали сцены из новобрачной ночи, Света опустила голову и шепотом попросила меня «не смотреть на это». В то время как зал охал и ахал, мы разглядывали обувь, и я к стыду обнаружил, что капли грязи покрыли старательно начищенную кожу моих «скороходов». А еще я вдыхал аромат ландыша. С тех пор этот свежий легкий весенний запах накрепко сплелся у меня с зеленоглазой Джульеттой – единственной девушкой на свете, которая могла соперничать красотой со Светой. Но, впрочем, только красотой, потому что Джульетта, отравившаяся ядом, – это все-таки мертвый труп, а я очень любил все живое. Поэтому, наверное, так приятно было укрывать от дождя плащом Свету, теплую, живую, загадочную.

Вечером перед зеркалом в ванной я стыдливо сбрасывал пушок над губой и впервые тщательно изучал свое лицо. Нет, не нравилось оно мне, особенно после киношного Ромео. Мое казалось мне грубым, неправильным: этот невыразительный мягкий нос, толстые губы, серые глаза с девчоночьими ресницами и торчащие уши. Вон прыщ на лбу вскопился, нос лоснится...

Впрочем, мускулистое тело и грустно-пытливый взгляд сглаживали неприятное впечатление. Я тяжело вздохнул: все равно, как ни крути, а олух он и в Африке олух.

Однажды мама сказала:

– Сынок, ты бы с Павликом поосторожней. Мне участковая врач сказала, что он находится на учете в туберкулезном диспансере. А туберкулез очень опасная болезнь. И к тому же заразная.

В тот же вечер мы с Павликом в паре играли в волейбол. Он был отличным подающим, мне же удавались мощные удары слету – «фугасы». Всю игру я намеренно приближался к его лицу и глубоко дышал. Если эта болезнь заразная, то пусть и я заболею! Мы вместе станем ходить в этот самый тубдиспансер, вместе будем лечиться. А если придется умереть – что ж, вместе веселей.

– И давно ты этим болеешь? – спросил я после игры.

– Давно, – потупился Павлик. – Ты не бойся, я не заразный. Меня бы не выпустили из больницы...

– Я и не боюсь. А что врачи говорят?

– Говорят, что с этим можно долго жить, – сказал он чужим голосом, – а может наступить обострение и... все.

– И что же, это не лечится?

– Наверное, пока нет. Мама сказала, что надо бы уехать на море. Там больные выздоравливают. Она сказала, что нам нужно дождаться, когда отец снова сядет, собраться духом и уехать.

– Ты знаешь, Павлик, мы, конечно, будем без тебя скучать... Но вы это... Если нужно, если тебе у моря станет лучше... Тогда переезжайте. А мы вас летом навестим. Будем вместе купаться, загорать, рыбу стрелять. А?

– Ты так думаешь? – спросил он, отвернувшись.

Что-то в нем и во мне в ту минуту обрывалось. Мы сидели рядом, я сквозь футболку ощущал тепло его плеча. Но мой друг, мой веселый и добрый Павлик, уже уходил куда-то очень далеко. Он уезжал, он отдалялся, между нами вырастала пропасть. Я, здоровый, стоял по одну сторону этой пропасти, а он по другую сторону, неотвратимо уходил в неизвестность, унося в себе одиночество смертельной болезни. Я обнял его за плечи, говорил ему какие-то дружеские слова. ... А он уходил в далекую тревожную даль.

«На октябрьские», то есть праздники, которые отмечались в ноябре, как и на Новый год, мама всегда готовила утку с яблоками и торт «Наполеон». Ароматы с утра заполняли каждый угол квартиры. Я не мог спокойно их вдыхать, захлебывался слюной и просился в магазин, на рынок – куда угодно. У папы заранее болела голова: эти «годовщины Великой Октябрьской» стали поводом опасных застольных дискуссий. Дело в том, что среди его знакомых участились приступы недовольства революцией и ее последствиями. А у меня с некоторых пор появилась традиция: через час после начала застолья раздавался звонок. Я открывал дверь. Там стоял Дима и вежливо, но громко приглашал «подышать свежим воздухом». Родители, занятые гостями, легко отпускали меня из-за стола.

Мы вдвоем обычно шли в парк. Там во время всенародного домашнего застолья было чисто и безлюдно. Отдыхающие повалят сюда ближе к ночи. Мы покупали целую ленту билетов и забирались на колесо обозрения. Кабинку немного раскачивало, но внутри было уютно. Дима доставал из кармана плаща бутылку вина и протягивал мне стакан. Он знал, что у меня от спиртного случается меланхолия, поэтому наливал мне чисто символически, принимая на себя основную дозу отравы. Кабинка поднималась все выше, под нами шелестели голые ветви деревьев, дальше открывалась панорама города с лентой реки, дорогами, стадионами, бульва-

рами и – свечами церквей, которые постоянно манили меня запретным интересом. Я подставлял лицо прохладному ветру, любовался широким видом с высоты и рассеянно слушал Диму.

– Ты думаешь, «красные» верят в свой коммунизм? Как бы не так. К моему «великому» папе, чтоб ему было хорошо, приходят разные большие дяди и садятся за наш знаменитый стол. Так ты знаешь, что они о советской власти говорят? Уши вянут. А все — активисты-коммунисты со стажем. Ну ладно, они свое, можно сказать, пожили. А нам, Андрей, предстоит еще выработать свою линию и четкую идеологическую платформу. Вот ты мне прямо скажи, ты за кого?

– Я, Дима, за народ.

– Так говорить – политически безграмотно и идеологически неверно. Ибо все палачи гробят свой народ именно под этот лозунг.

– А ты что предлагаешь?

– Если честно, я за демократическую анархию. А вообще ты прав! – размахивал он руками, расплескивая жидкость из стакана. – Ерунда все это. Наше поколение – сборище отъявленных циников. У нас отняли идеалы. И мы все, как есть, сопьемся. Туда нам и дорога. Я лично уже взял курс на решение этого вопроса. А ты чего, Андрюха! Ну что это за интеллигентское слюнтяйство? Пригубит и смо-о-отрит. Сейчас вся держава напивается вдребодан. Слышишь нарастающий гул? Это народ в едином порыве уничтожает годовой стратегический запас спиртного. Разве можно бросить его на произвол судьбы в этот тревожный исторический момент? Да мы обязаны быть в самой гуще событий, с мощными боевыми стаканами в мускулистых пролетарских руках. А ты чего? А?

– Ну не воин я на вашем ристалище. Считаю меня инвалидом с детства, первой группы. Как выпью больше полстакана, так на меня тоска нападает, и жизнь не мила. Прости меня за это, прости!

– Хорошо, – кивает он размашисто. – Если тебя не тащит от алкоголя, можем найти ему достойную замену? А что! Сейчас, между прочим, наш родной черный рынок может предложить дурь в широком ассортименте. Морфий, анаша, героин – бери не хочу, только шуршунчики отмусоливай.

– О, нет! Мне не нужно.

– Что так?

– Знаешь, мне и так жить интересно. Без наркотических возбудителей.

– Это ненормально!

– Нет, дорогой друг, только это и нормально. Смотри, – показал я на широкий горизонт вокруг. – Ты даже не смотришь на это чудо. А мне так нравится, что глаз оторвать не могу. Вот оно: не под столом хрюкать, а жить этим величием, этой красотой.

– Ладно, убедил, – сдался спорщик. – Если хочешь знать, Андрюха, я уважаю в тебе твою цельность. Как сказал идеолог уничтожения собственного народа: «Какая глубина, какой матерый человецище!»

Вообще-то цитировать классиков и современников нам доставляло удовольствие. А все потому, что мы все болели всеядной начитанностью.

Читали мы всегда, помногу и увлеченно. На перемене, в трамвае, в туалете и ванной, вечерами перед сном и ночью во время бессонницы, в постели во время простуды и на сыпучем песке пляжа. Словом, везде, где наступала свободная минутка. Книга считалась нечитанной или неинтересной, если она не была затрепана, замусолена, если в тексте и на полях отсутствовали пометки. Это как футбольный матч, на котором сидят и молчат. Нет, нам подавай, чтоб на страницах, как на трибунах: и слезы, и смех, и восторги с уничтожающей критикой. Впрочем, подчеркивание тонкой карандашной линией тоже интересно, особенно, если встречались

такие пометки: «So!», «Однако», «Ну, это уж...» или просто вопросительные и восклицательные знаки.

Помню эту священную тишину библиотек, разговоры шепотом, склоненные головы в читальном зале, цветы в горшках, строгих библиотекарей. А этот неповторимый запах книжной пыли, коленкоровых обложек, кожаных корешков, типографской краски! А как здорово было где-нибудь в отъезде разговориться со случайным человеком и обнаружить, что и он читал Солоухина, Чивилихина, Паустовского, Трифонова, Эренбурга... И все, этот незнакомец – твой друг. Ты упиваешься разговором, как роскошным обедом. У вас столько общего! Книжные персонажи сроднили, значит, вы думаете, живете, чувствуете в одну сторону.

Были среди нас и такие, кто каждую прочитанную книгу конспектировал. Они утверждали, что это дает особую глубину прочтения, плотный контакт автора с читателем. Книги, из которых ты выписал задевшие тебя фразы, не забываются. Они остаются глубоко в душе. Они будят подсознание живыми токами, обогащая внутренний мир. Они создают в душе анфилады характеров, галереи впечатлений, создают целые дворцы предыдущих судеб. Я постоянно сравнивал себя с множеством людей, интересных, духовно богатых, устремленных, с которыми при всем желании не смог бы встретиться никогда. Да и всегда ли мы способны раскрыться собеседнику так, как через написанные откровения. Конечно, книги – мощный стимул к познанию смысла жизни, к разгадыванию ее тайн.

Случалось, откроешь книгу просто потому, что выдалась свободная минутка, или на душе неуютно. Читаешь строчку, страницу – и ты уже где-то в послевоенной Германии вместе с героями Ремарка переживаешь смертельную болезнь девушки, верную мужскую дружбу. Или вместе со Стариком Хемингуэя с леской на плече плывешь по океанским волнам и разговариваешь с огромной рыбой-меч. Это глубинное чудовище изматывает тебя, голодного, усталого, но ты не сдаешься, жалеешь свою убийцу, не держишь зла ни на кого и всех-всех прощаешь. Великодушие, честность, мужество, любовь, дружба, самопожертвование – этому учились мы у книжных героев, это те паруса, которые влекут души людей от болотистых низин земли в синие высокие небеса.

Как-то вечером во дворе мы с Павликом играли в волейбол, обсуждая фантастический роман Рея Бредбери. Ко мне подошел мужчина и предложил «отойти на минутку». Я нехотя оторвался от игры. Повел он меня в тот самый двор Кудриных, где жила Валя. Это оказался ее старший брат. Он успел дважды отсидеть, был жесток и умен, носил имя Федор и прозвище Краб. Он вел себя вежливо. Но меня не оставляло ощущение, что где-то рядом наготове мощные крабовые клешни, готовые в любой миг перекусить меня пополам.

– Валюшка мне рассказала о тебе. Она тебя хвалит.

– Не понимаю за что.

– Ну, как? Ты ей помогаешь.

– Она мне тоже помогает по-своему.

– Но ты же, как бы, учишь ее манерам там, поведению. Друзей своих напрягаешь.

– Ничего особенного. Валя на самом деле талантливая и трудолюбивая девушка. Она достойна хорошего будущего. Мы все надеемся, что уроки хороших манер помогут ей в жизни.

– И что, Андрюх, ты ничего за это не хочешь?

– Не понял. Чего я должен хотеть?

– Ну там, денег или еще чего. Ты же знаешь, у нас семья. А это сила. И мы для Валюшки ничего не пожалеем.

– Ну, что вы, Федор Васильевич, ничего не надо. Это приятно, когда на твоих глазах папанка превращается в элегантную барышню. Валя очень способная девушка.

– А ты знаешь, что она в тебя влюбилась?

– Подозреваю. Только взаимностью ответить не могу.

– Ну, тут вы сами разбирайтесь. А от меня тебе спасибо. Понял? Если кто на тебя прыгнет, ты только скажи, я...

– Спасибо, не надо. Я уже научился защищаться. Передайте Вале мой дружеский привет. До свиданья.

Экзамен Лидия Михайловна назначила на выпускной вечер. Валя, конечно, волновалась, но мы ее, как могли, успокаивали, да и сама девушка чувствовала себя более уверенной в новой роли.

На выпускном вечере я подошел к Вале и подарил цветок. Она слегка присела. Как там у них это называется? Книксен, что ли, комплимент?.. Я неуклюже отвесил поклон головой и, кажется, почувствовал себя не в своей тарелке. Научил на свою голову! Она с трудом подняла глаза:

– Андрей, могу я надеяться на первый танец?

– Прости, первый я танцую всегда со Светой.

– Тогда, может быть, второй?

– Несомненно, моя прекрасная леди.

– Благодарю, – протянула она.

– Чего там, – буркнул я.

Танец со Светой показался мне кружением в водовороте детских воспоминаний. Танцевала она легко, и вести ее доставляло удовольствие. Так, наверное, приятно играть на хорошей скрипке. Она мило улыбалась, была вежлива и благодушна. Только снова моя партнерша оказалась прохладной, как утренняя роса. Когда же я согрею тебя, светлая моя?

Не успел я пригубить за столом бокал шампанского, как снова заиграли вальс. Я глубоко вздохнул, резко выдохнул и направился к Вале. Она вся подалась вперед, и только предварительная муштра не позволила ей прильнуть ко мне всем телом. Ее движения в танце не были безукоризненно легки и податливы, но ее сияющие глаза и счастливая улыбка перекрывали все легкие шероховатости. Я любовался Валею и забыл о своем участии в ее сказочном преобразении.

– Валюш, ты сегодня самая красивая, – сказал я совершенно искренне.

– Ты не преувеличиваешь?

– Нет, потому что ни у кого нет таких счастливых глаз.

– Ты знаешь, Андрей, мне уже ни капельки не страшно.

– Чего тебе бояться, ты сегодня королева бала. И ты это заслужила. Ты умница.

– Правда! – выглянула откуда-то изнутри на секунду порывистая драчуня. Но следом сдержанно: – Я всем обязана тебе.

– Ну, не забывай, над тобой работал целый творческий коллектив.

– И все же ты – мой профессор Хиггинс.

Танец закончился, и я проводил барышню к праздничному столу. Посадил ее на стул и направился к друзьям, которые уже махали мне руками.

– Слушай, Андрюх, как тебе это удалось? – хлопнул меня по плечу Дима. – Давай откроем пансион благородных девиц? Станем поставщиками Элиз Дулиттлов дворам их королевских величеств. Да вы посмотрите, она готовая принцесса!

– Вот и предложи ей тур вальса.

– Куда мне! Мы ваших академиев не кончали. Я по другой части, – налил он себе шампанского.

– А мне можно с Валею потанцевать, как ты думаешь? – спросил Павлик, смутившись.

– Конечно. И не комплексуй, друг. Помни: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой».

В тот вечер Валя была нарасхват. Ее наперебой приглашали парни и даже мужчины-учителя. Она кружилась в вальсе, присаживалась за стол и неотрывно бросала в меня умоляющие

взгляды. Я отвечал ободряющей улыбкой. Света незаметно ушла после третьего танца, я заскучал. Скоро мне надоели танцы с застольем, пошлые шуточки опьяневших парней, кокетство девушек и я решил уйти по-английски. После душного шумного зала тихая ночная свежесть успокоила меня и настроила на философский лад. Я шагал в гулкой тишине и думал, на что способна любовь простой девушки, даже если она безответна. Какая мощная преображающая сила таится в тихом застенчивом чувстве. Если оно настоящее...

Чтобы не плутать в темноте переулков, я свернул на залитый неоновым светом проспект, где стоял ярко освещенный ресторан. Это новомодное заведение из стекла и бетона построили недавно, сюда тянулись любители разгульной жизни со всего города. На верхней открытой веранде звучала приторная, как шербет, восточная музыка. На лестнице стояли двое пьяных парней в белых мятых рубашках. Один удерживал другого, а тот рыдал и протяжно вопил в пространство: «Людка-а-аяхачу-у-утибя!» Я вздохнул. Ой, ма-а-амочки! Страсти-то какие. А вот этого нам и даром не нужно. Роль бычка на привязи – увольте.

Дома из родительской спальни выглянула заспанная мама и удивилась моему раннему возвращению: «Я думала, ты на всю ночь, до рассвета» – и, чмокнув меня в щеку, скрылась за дверью. На самом деле мама оказалась права. В эту ночь мне не спалось. Перед глазами лежали исписанные листы бумаги, мысли же витали очень далеко. Слова рождались где-то в другом измерении, пронзали невидимую пограничную стену и заливали меня внутренним светом. Рука едва успевала записывать стихи. Рассвет заливал топленным молоком пустынный двор за окном, золотил верхушки берез. В раскрытое окно густой волной проникал горьковато-сладкий аромат цветов и мелодичные трели невидимых птиц.

В ту светлую ночь я не думал, но жил. Передо мной раскрылось великое пространство: от темной бездны до сверкающих синих высот. Я падал вниз, но чьи-то невидимые руки подхватывали меня и поднимали ввысь. Меня ждали засады и сети, для меня готовили сладкое ядовитое вино, уходили друзья, закрывались глаза любимых... Я проживал свою жизнь от рождения до бесконечного будущего – и всюду меня сопровождал добрый свет. Я принимал все, как бесценный незаслуженный подарок. Это было касание вечной любви.

Вдруг я резко встал и подошел к окну. Под нашими окнами стояла Валя в блестящей короне на голове и... молча смотрела в мою сторону. Я махнул рукой, показал жестами, что спускаюсь, подхватил пиджак и вышел во двор. При ближайшем рассмотрении сооружение на ее аккуратно причесанной головке в виде короны состояло из проволоки, обернутой фольгой, должно быть, от шампанского.

– Тебя выбрали принцессой?

– Да, представляешь, эту корону мальчишки сами сделали, – счастливо улыбалась она, рассыпая искры из широко открытых глаз. – Андрей, это все я сделала ради тебя!

– Нет, Валя, не ради меня, – вздохнул я, усаживаясь рядом с ней на скамейку. – Никогда не обещал я тебе взаимности. Да ты сама вспомни, что тебе во мне нравилось? Мышцы и ум? Но это ничего не стоит, если тут (я ткнул пальцем в левую часть своей груди) пусто. Если тут постоянно живет сильная жажда, которую нечем утолить. Что такое мышцы и ум? Так, мясо с мозгами... Завтра мы умрем, и это станет глиной. А тут (снова тычок в грудь) – самое главное. Но как раз в этом месте ничего хорошего сейчас нет.

– Есть, Андрей, есть, – горячо зашептала она.

– Нет, Валюш, ты изменилась ради любви. Ты доказала всем – и себе, и мне, и нам, что любовь – это великая сила. Ты ее уже носишь в своем сердце, только еще не знаешь, кому отдать. Но ты найдешь. Обязательно. Ты еще маленькая, но так быстро растешь, что я верю, у тебя впереди хорошее будущее. Не знаю, но, может быть, тебе удастся изменить к лучшему свою семью, настоящую или будущую. Это совершенство – к нему необходимо стремиться постоянно, шаг за шагом.

Я повернулся к девушке. Она сидела прямо и, казалось, ловила каждое слово.

– Иногда у меня все болит, – признался я. – Там, в груди, будто все наполнено горячим жидким свинцом. Я жалею себя, что я такой ничтожный. Жалею друзей, родителей, всех людей. И тогда — вдруг — ко мне приходит такое необычное спокойствие. Знаешь, будто с билетом в кармане сидишь на перроне и ожидаешь поезда. Он скоро придет, никуда не денется. Просто надо его дожидаться. В таком спокойствии мне очень хорошо, потому что здесь (тычок в грудь) тихо и необычайно хорошо. Я могу с этим ходить, сидеть, лежать, но только очень осторожно. Одно резкое чувство, вроде раздражения, страха или сомнения – и все может исчезнуть, пропасть, сгинуть. Это очень хрупкое состояние – спокойная сладость ожидания. Но стоит этому пройти, как снова приходят боль, жажда и ненависть к себе.

Я снова посмотрел на Валю. Она восторженно глядела на меня, поблескивая глазами, затаив дыхание, и ...ничего не понимала. Рядом с ней я вдруг остро ощутил свое одиночество. Одинокой была и она, только пока этого не понимала: влюбленность ослепляла. Ей было хорошо со мной, объектом обожания, как мне со Светой, когда она просто была рядом и уделяла мне внимание. Но между нами зияла пропасть. Я искренне жалел нас.

– Ты еще такая маленькая девочка, Принцесса. Такая...

– Пусть! – шептала девушка. – Пусть я маленькая, пусть глупая, хоть какая, но только, пожалуйста, позволь мне быть иногда рядом с тобой. Ты просто не гони меня, ладно?

– Ну что ты, Валюша, с чего мне гнать тебя? – Я ощутил в себе мужскую жалость к влюбленной девушке. – Знаешь, все это время твоего чудесного преобразования меня удивляла твоя воля. Тебе ведь было очень трудно и даже больно. Ты, наверное, к концу дня падала от усталости. Но ты упорно шла и шла, поднимаясь по лестнице вверх – ступень за ступенью.

Я помолчал, вздохнул и продолжил:

– А мне все дается подозрительно просто. И поэтому кажется, все, чем я занимался – учеба, спорт, книги – все напрасно. Или почти все. У меня начнутся настоящие трудности, когда я выйду на правильную дорогу, которую пока не могу нащупать. Сейчас я плутаю.

– Ты найдешь, Андрей! Обязательно найдешь, – снова горячо шептала она. Потом замялась и, наконец, решительно произнесла: – Андрюш, как мне отблагодарить тебя? Я на все готова. Все, что хочешь, слышишь!

Кажется, я понял, что значит это «все». На секунду мне показалось, что в мои кровеносные сосуды ворвался горячий африканский зной. Но тут передо мной возникло лицо Светы, ее спокойные умные глаза – и это подействовало, как ледяной душ.

– Знаешь, твой старший брат ко мне подходил с таким же вопросом. Отвечаю: ничем. Благодарить меня ничем не надо. Но, знаешь, Валюш, сделай что-нибудь хорошее другому человеку, потом еще кому-нибудь. Во-первых, ты поймешь, как приятно делать добро. А, во-вторых, сможешь кому-то стать лучше, добрее, совершенней. Может, у тебя откроется талант педагога. А что? У тебя получится. А, может быть, ты станешь просто хорошей женой и матерью – это тоже подвиг. Видишь, как здорово!

Той долгой светлой ночью закончилось наше детство.

Первой уехала Света. Уезжала тихо, как все, что она делала до сих пор. Она виновато смотрела на меня, говорила ненужные слова, махала бледной рукой. А мне казалось, что с этого дня жизнь моя покатится под откос. Я знал, что мне станет очень плохо, и я стану плохим. Все, что было у меня хорошего, светлого, ароматного, летящего, – все она увозила с собой.

Внутри меня оказалась огромная пустота, бездонная, как пропасть. Я стоял на краю этой пропасти... Не я, а то, что от меня осталось, какие-то жалкие уродливые лохмотья меня прежнего – ползало по краю пропасти, извивалось и корчилось в агонии.

В самый печальный день моей жизни передо мной появился Дима. Внезапно, как некто из табакерки. Я впервые серьезно напился. От вина мне стало еще хуже. К тоске прибавилась тошнота и рвота, боль в голове и такое чувство, будто я кого-то задушил собственными руками.

Мои бедные родители с ужасом наблюдали за мной. Они знали причину, но даже они не могли понять, что я потерял. Следующие дни превратились в сплошную боль. И тогда ночью, бессонной, одинокой и полной черного отчаяния, когда мне остро захотелось собственной смерти, я впервые осознанно простонал во тьму:

– За что, Боже?! Останови это! Погибаю... Где Ты, мой Бог? Где Ты?

Тьма расступилась и впустила внутрь моей пустоты луч света. Кто-то взял меня за руку и повел за собой. Мне было все равно куда, только бы отсюда, где так темно и больно. Сначала я шел, потом побежал вслед за своим невидимым проводником. Потом камень под ногами сменила земля, трава, затем упругая, как гимнастический трамплин, вода. На бегу оттолкнулся от эластичной поверхности воды и... я полетел. Сначала мне показалось, что я падаю вверх в самый центр Солнца – так ослепило и обожгло меня волной света. Потом глаза привыкли, и я увидел бездонное пространство из слоев и сгустков света. Глаза стали различать землю в садах, реках и цветах. Вдали – горы из серебристого хрусталя. Надо мной – ликующее синее небо...

...Все исчезло внезапно, как дым от порыва шквального ветра. Я резко встал и замер. Осталась светлая радость, которая неудержимо таяла, будто просачиваясь глубоко внутрь сердца.

Подошел к окну. Верхушки деревьев и крыши домов уже золотились в первых лучах рассвета. В прозрачных молочных сумерках под моими окнами стояла Валя и, зябко поеживаясь, молча смотрела в мое окно. Я взмахнул рукой и жестом показал: спускаюсь. Накинул пиджак, захватил плащ и сбежал по гулкой лестнице вниз.

– Я решила уехать вместе с Павликом, – сказала Валя, кутаясь в протянутый плащ.

– А ты знаешь про его болезнь?

– Сегодня узнала, – грустно улыбнулась она. – Поэтому и решила ехать с ним.

– Ты понимаешь, что тебя ожидает? Ты готова к тому, что он может умереть?

– Я ко всему готова. Но только, знаешь, я не дам ему умереть. Он ведь меня уже давно любит. Только признаться не мог. Андрюш, ты узнал, что может настоящая любовь. Так что мы с Павликом поженимся, я стану верной заботливой женой и рожу ему сына... или дочку.

– Ты хорошо подумала о своем шаге? Ведь это очень серьезно. И Павлик не просто мой друг, он необыкновенно добрый, чистый и светлый человек. Если ты его бросишь, он может не вынести.

– Не брошу. Обещаю. А то, что Павлик чистый и светлый... Значит, он заслужил, чтобы я отдала ему свою любовь. Ведь делать добро – это так приятно. Правда? – улыбнулась она напоследок.

– Да, Принцесса. Истинная правда.

Они уезжали не так тихо, как Света. Их провожал весь двор, вся Валина семья. А старший брат Федор даже выехал вместе с ними, чтобы помочь устроиться на новом месте. Я обнимал бледного Павлика, удивляясь, как он быстро худеет: вот и ребра торчат и скулы заострились. Валя тоже меня обняла, впервые, целомудренно, как сестра. Мне, почему-то именно мне, Федор пообещал помогать им и не оставлять без присмотра никогда. А если кто на Павлика с Валюшкой «прыгнет», то он... и так далее.

Романтика

Пришло время и мне куда-то приткнуться. Меня отчаянно тянуло в армию. Тупая муштра, печатный строевой шаг на плацу, марш-броски до седьмого пота, грохот стрельбы – вот что могло заглушить вой обступившей меня пустоты. Родители настаивали на поступлении в институт. Меня собственная карьера на тот момент не интересовала. Ну, что ж, сделаю родителям приятное, решил я. И поступил в институт.

На вступительных экзаменах я чувствовал себя на удивление спокойно. В сочинении вдохновенно изложил теорию становления личности, мягко, но лирично связав ее с образом Печорина. Тщательно проверил правописание, сдал. Получил «отлично». На экзамене по физике мне достался вопрос, каким образом холодильник обогревает кухню? Сначала я рассказал о токах Фуко, греющих двигатель. Этого оказалось мало.

Мои знания по устройству холодильника исчерпались. Поэтому я изложил преподавателю собственную доктрину. Согласно ей присутствие в холодильнике чего-нибудь вкусного, как-то: брынза, ветчина, маленькие такие, в кожуре, маринованные помидорчики; малосольные огурчики, соленые грузди – повышает у едоков кровяное давление и как следствие – температуру тела, что в свою очередь обогревает атмосферу кухни. Экзаменатор улыбнулся: «далеко пойдешь... если девчонки не остановят», погладил громко заурчавший живот и стал выводить в экзаменационном листе «отлично».

Я же наблюдал, как моя бледная, как мел, соседка по длинному столу с паническим страхом, лязгая зубками, объясняла седой женщине-экзаменатору, что она очень волнуется, поэтому забыла ответ на свой вопрос, но сейчас успокоится и обязательно вспомнит – и упала в обморок. Я метнулся к ней и в последний момент подхватил обмякшее тело и подложил под затылок ладонь. Мне даже стало неудобно: люди так переживают, а мне все дается подозрительно просто. Значит, снова не на пользу, вздохнул про себя.

Дима также свободно поступил на свой физмат, Юра не без проблем, но стал первокурсником политеха, Ира – педагогического, Аня – консерватории.

После экзаменов мы с Юрой уехали в пойму на рыбалку. Разбили палатку и с утра до вечера возились с удочками, донками, пойманной добычей. Рыбное население пожирало наживку с невиданной жадностью. Сначала мы нанизывали на крючки купленных на рынке опарышей. Когда эта копошащаяся червивая гадость кончилась, стали цеплять на крючки обрывки бумаги, окурки и разный мусор. Эта сумасшедшая рыба глотала все без разбору. Наконец, очистив от мусора берег, забросили пустые крючки. Но и тут клев не ослабел. Мы не успевали вытаскивать ее, жарить и солить. Уставали до упаду. Юра, ездивший с отцом в Среднюю Азию, угостил меня рыбным хашем. Он потрошил рыбу, резал ее на куски и, сырой, макал в уксус с перцем. Наши языки стали белыми, во рту горело, животы скрутило. Но Юра был бы не Юрой, если бы и сюда не привез какую-нибудь техническую новинку. На этот раз он из рюкзака достал подводную лодку.

– Последнее слово инженерной мысли! – вопил он на всю пойму. – Чудо судостроения: карманная подводная лодка «Еллоу сабмарин» с двухсуточным запасом хода. Мечта агента 007.

- И сколько ты над ней работал?
- Месяц. Ну что, запускаем?
- Давай.

Юра бережно понес ярко-оранжевую лодку к реке. Включил двигатель и пустил по воде. Лодка плавно ушла на глубину. Еще метров десять по поверхности воды тянулся пузырьчатый шлейф – и все. Мы подождали с полчаса, но лодка не возвращалась.

- Наверное, запуталась в донных водорослях, – вздохнул Юра.

– Ничего, – успокоил я изобретателя. – Всплывет где-нибудь. И может быть, обрадует какого-нибудь одинокого мальчика. Он будет сидеть на берегу реки и грустить, глядя на воду, а тут – рыжая подводная лодка! И он улыбнется.

– Но, месяц трудов!.. – вздохнул неутешный изобретатель.

– Это, Юрик, тот случай, когда умная голова рукам покоя не дает.

– Ладно, давай рыбу солить.

– Ты начинай, а я схожу на почту, позвоню родителям.

На почте в душной телефонной кабинке я долго вспоминал собственный номер телефона. Наконец, сквозь треск и эхо помех отец сообщил мне, что он ходил в институт к стенду и с радостью прочел мою фамилию в списке студентов. Я от души поздравил родителей с этой новостью. У меня внутри ничего не шелохнулось. Вернулся к Юре и продолжил рыбалку.

В первые дни студенчества я узнал, что такое «картошка». Раньше по наивности думал, что это съедобный корнеплод, а оказалось – десант в отстающий колхоз. Сначала я спросил об этом у отца. Он потер висок и сказал, что это, должно быть, какой-нибудь субботник, поэтому я пришел на «картошку» в свитере и старых брюках, будто на денек на овощебазу. Мои сокурсники удивились, что я налегке. Они-то экипировались, как на войну: рюкзаки с запасом консервов, сапоги, телогрейки. Я пожал плечами и положился на доброту сельских жителей. Действительно, хозяйка дома, куда нас четверых поселили, быстро придела меня («не бойсь, поди, не с покойника») и накормила грибным супом с поллитром сметаны, как самого бедного и непутевого.

Честно сказать, «картошка» мне понравилась. Три недели мы работали на земле, пахучей, жирной и мягкой. Собирали грибы, пели под гитару песни у костра, общались с добрыми колхозниками. Делились с ними мясом, которое для них, оказывается, было роскошью. Но самое главное – это дивная золотая осень с желто-красными листьями, прозрачным воздухом, утренними туманами и под конец – заморозками. А после ужина я выходил из дому, садился на завалинку и погружался в глубокую черную ночь. Здесь в деревне после девяти вечера огни гасли, и на черном небе зажигались такие яркие звезды, что казались близкими, теплыми и влажными от ночной росы. Я подолгу разглядывал это небесное великолепие, вдыхая упоительные ароматы осеннего увядания. Иногда приходила мысль, что где-то далеко на эти же звезды смотрит Света, и тогда тягучая боль стягивала грудь мягким обручем, и я чувствовал себя уродом или инвалидом.

Через неделю по причине моей необычной трезвости мне и работу определили необычную. Дело в том, что на вопрос колхозного бригадира, кто способен просыпаться в пять утра, положительно смогли ответить только мы с Ваней. Так мы стали «ковбоями» – пастухами. Утром выгоняли стадо коров и наблюдали, чтобы эти бедовые создания не натворили беды. Коровки нам достались «мясные», то есть отбракованные из стада нормальных молочных коров. Каждая из пасомых носила печать уродства: то рогов нет, то сосков на вымени шесть и все сбоку, то хромая, то кривая, то слепая.

Поначалу пробовали мы обращаться с ними уважительно. Лезет, скажем, однорогая, с бельмом на глазу буренка на клевер, сминая проволочную ограду, а мы ей: «Дорогая корова, не будете ли вы так любезны оставить ваши агрессивные действия и вернуться в стадо? Ведь от бобовых может случиться вздутие животика, а это больно». Нет, не слышит. Тогда стреляешь бичом и во всю глотку по-колхозному: трах-бабах-растарых! И результат, как говорится, на лицо: коровий галоп вприпрыжку с уважительным оглядом. Родео!..

Одна только Звездочка была хороша. В отличие от товарок не лезла дуром на клеверное или свекольное поле, не ломала ограждений, не напрашивалась на хлесткие удары бича и грубые выражения. Звездочка была коровушкой скромной, послушной и красивой. За это она получала от нас кусок хлеба или морковку. Но вот однажды и эта коровка закапризни-

чала: утром не пожелала выйти за ворота, как мы ее не упрашивали. Напарник даже бичом замахнулся, но я оттолкнул его: не надо, Ваня, значит, есть причина, пусть останется. Вечером загнали с коллегой стадо, выходим из коровника, а сзади крик:

– Ребята! Помогите вытащить тельца!

– Какого тельца? Откуда? Как он туда забрался?

Заходим в незнакомое помещение, а там наша Звездочка в загоне плачет. Ну прямо как девочка рыдает, тоненьким голоском. Подходим, а у коровки из-под хвоста ножки торчат с розовыми копытцами с привязанной к ним веревкой. Взялись мы за веревку и давай тащить. Видно, таз у роженицы был аристократически узким, никак тельенок не проходил. Наконец, вчетвером кое-как справились: тельенок выскочил и плюхнулся в навозную жижу. Бабка пнула его в белый животик сапожищем – малыш задышал. А измученная Звездочка благодарно посмотрела на нас большой карий глаз. Отмывали руки с мылом в трех водах и под струей самогона. Пару дней от нас брезгливо отшатывались девушки: чем от вас па-а-ахнет? Чем, чем, вам виднее, надумаете в поле рожать, зовите, вытащим, отвечали бывалые ковбои. Утром заглянули навестить тельца. Тот стоял на трясущихся длинных ножках в загоне и тянул к нам замшевую мордашку с белыми звездочками, как у мамы, и ярко-синими младенческими глазами. Мы гладили его, а малыш ловил наши пальцы губами и шершавым языком, принимая их за мамины соски. С тех пор к мамаше с тельцом у нас появилась почти родственная привязанность.

Может быть поэтому один пасмурный день стал для нас особенно тяжелым. Утром нас заставили загонять коров в машину, что возила скот на бойню. Коровы чувствовали, куда их отправляют. О, как они жалобно выли, упирались, сверкали выпученными глазами! Пьяные загонщики стегали их бичами до крови... Когда Звездочка высунулась из ворот загона, меня будто ошпарило. Я бросился к ней, затолкал ее обратно: куда ты, глупая, прячься! И тщательно закрыл ворота на проволочную скрутку. Наконец, машина уехала. Долго еще в воздухе клубилась пыль и сгустки страха. Когда мы выгоняли стадо на пастбище, коровы слушались беспрекословно и вели себя тихо. Только глаза их весь день наполнял страх. А еще мне казалось, что они нас ненавидели. Я-то себя — точно...

Моя группа состояла из очень разных людей и по возрасту, и по уровню знаний. Тут имелись сложившиеся алкоголики и трезвенники, опытные женщины и трогательно застенчивые девочки, дети начальников и деревенские простецы. Эти разные люди меня интересовали и притягивали своей загадочностью. Каждый прожил какую-то свою жизнь, непохожую, уникальную. Эти люди носили в себе тайны и трагедии, боль и радость.

Эпицентром культурной жизни стали вечерние посиделки у костра. Бард Слава плакал над гитарой: «Звездочка моя, ясная, как ты от меня далека», – и почти все замолкали, вспоминая свой опыт ранений и потерь на личном фронте. Другой менестрель Женя, резко дергая струны, вопил нахальным фальцетом: «Не умирай! Ты вспомни речки гладь, святую фею мать!» – и снова народ глубоко переживал чью-то трагедию. Третий солист Олег причитал: «Прости, детка, я так устал. Я стар слишком рано стал», – и все верили в его усталость и преждевременное старение организма, особенно, учитывая количество потребляемого им спиртного и еженощную смену партнерш. Мне нравилось разговаривать с ними, наблюдать за их поведением. Так же и на себе приходилось ловить испытующие взгляды. Здесь у меня появились друзья. Но еще больше их стало, когда мы вернулись в город и приступили к занятиям.

Учеба обрушилась на наши головы немилосердно. Из-за «картошки» нам пришлось нагнать отставание в программе. С утра до позднего вечера бегали мы по аудиториям с рулонами ватмана и тетрадами подмышкой. Не успеешь сдать лабораторную, как назначают коллоквиум, потом курсовая поджимает, затем сессия зачетная... Не успел оглянуться – экзамены. В заботах, волнениях, учебе и спортивной жизни, посиделках под магнитофон пролетел сумасшедший первый курс. Экзамены сдавал я легко и только на «отлично». Общественная работа заме-

стителем старосты группы и участие в художественной самодеятельности, а также донорство – принесли мне повышенную стипендию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.